

18+

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

Моя карма

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ИЗМЕНЁННОГО
СОЗНАНИЯ

Валерий Анишкин

**Моя карма. Человек в мире
изменённого сознания**

«Издательские решения»

Анишкин В. Г.

Моя карма. Человек в мире изменённого сознания /
В. Г. Анишкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532680-5

Эта книга является продолжением повести «Студент» и третьей, заключительной частью романа «Моя Шамбала». Молодому человеку пришлось пройти сложный путь, увидеть жизнь во всём её разнообразии и столкнуться с нелёгкой для него проблемой взаимоотношений с разными людьми. Паранормальные способности, которыми наделён герой повести, вызывают неприятие и боль, что ведёт к крушению его привычного мира. И только Любовь и Вера позволят моему герою обрести жизненную силу и душевный покой.

ISBN 978-5-00-532680-5

© Анишкин В. Г.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Моя карма

Человек в мире изменённого сознания

Валерий Георгиевич Анишкин

© Валерий Георгиевич Анишкин, 2021

ISBN 978-5-0053-2680-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Человек в мире

изменённого сознания

Не всё, что мы переживаем, можно
объяснить логикой или наукой.

Линда Вестфал

ЧАСТЬ I

Глава 1

Омский железнодорожный вокзал и привокзальная площадь. Город времён писателя Достоевского и конструктора ракет Королёва. Лидер белого движения Колчак и «золото Колчака». Городок Нефтяников. Иван Карюк и его родители. Мои «особые» способности. Из учителей в рабочие.

Поезд, конвульсивно дергаясь и лязгая колесами, наконец остановился, и нетерпеливые пассажиры, которые еще до прибытия стали выстраиваться в проходе вагона к выходу, теперь с облегчением покидали свой временный дом на колесах, вываливаясь с вещами на дощатую платформу, и она вдруг заполнилась, превратившись в шумную кольшущуюся массу. И так же быстро опустела.

Я с рюкзаком и небольшим чемоданом стоял в сторонке, не решаясь двинуться в незнакомый город вслед за толпой. А в уши настойчиво лез перестук колес. В поезде я это перестал замечать, как не замечают тиканье часов на комодe, но стоит прислушаться, и тиканье заслоняет все остальные звуки, а потом долго не отпускает слух. Казалось, стук колес записался на магнитной ленте памяти и теперь воспроизводится произвольно. Двое суток тряски в душном вагоне пассажирского поезда утомили и требовали хотя бы небольшого отдыха.

Немного придя в себя, я вскинул рюкзак на плечи, взял чемодан и направился в здание вокзала. В буфете, отстояв недолгую очередь, я взял стакан чая и два бутерброда с сыром, нашел свободное место за высоким столиком с круглой мраморной столешницей и с аппетитом проглотил бутерброды, запивая горячим, но слабым чаем, который буфетчица наливала из огромного медного самовара.

Выйдя на привокзальную площадь, я прошел мимо сквера с памятником Ленина туда, где толпились люди в ожидании транспорта. Спросив у какого-то мужчины, я дождался троллейбуса до Нефтегородка, где жил мой институтский товарищ Ванька Карюк и где я собирался поработать пару месяцев до начала учебного года, чтобы определиться с работой по своей специальности учителя английского и немецкого языков согласно диплому об окончании ЛГПИ им. Герцена.

Из окна троллейбуса город мне показался невзрачным, несмотря на солнечный день, и я невольно вспомнил Достоевского, который писал в письме брату, что «Омск – гадкий городишко. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран... Городишко грязный, военный и развратный в высшей степени...»

Это дословно. Память меня не подводила и оставалась тем, что называют феноменальной. Был период, когда я на какое-то время терял свой дар предвидения и видения прошлого, но с памятью не возникало проблем, и она оставалась, надежно служа мне в учебе...

Со времен Достоевского прошло более ста лет и многое изменилось. По крайней мере, грязи я не заметил, а деревьев и кустарника было достаточно. Что касается летнего зноя и бурана зимой, то я знал, что климат в этой широте континентальный, то есть, лето жаркое, а зима холодная, и был готов к этому.

О городе я знал лишь то, что можно было найти в Большой Советской энциклопедии, то есть, что город возник на слиянии двух рек и стоит на Иртыше, в который впадает Омь, а также, что это бывшее место военных и ссыльных, среди которых были писатель Достоевский, конструктор ракет Королев, этапированный сюда в 40-х годах из Магадана. Здесь отбывал срок в тюрьме композитор, автор романса «Соловей» Алябьев. Недаром Омск в шутку расшифровывали как Отдаленное Место Ссылки Каторжан.

Однако больше меня интересовала история лидера белого движения Александра Колчака. Это благодаря ему Омск получил звание столицы Сибири. И недаром: в 1918-20-е годы более сытного и богатого города за Уралом было не найти. Тем более что здесь красных не любили, и после военных действий расстреляли всех большевиков, которые не успели убежать. Жители Омска вообще не верили, что какие-то голодранцы могут победить офицеров, купцов, промышленников. Тогда Колчака встретили балом. Но Красная Армия выбила Колчака из города, а затем белого адмирала расстреляли в Иркутске.

Но еще больший интерес у меня вызывала история с золотом. Во время бегства на Восток адмирал растерял часть золотого запаса Российской империи; состав золота угнал Чехословацкий корпус, служивший у белых в качестве наемников; часть золота досталась красным, но никто не знает, куда девались все остальные слитки. Говорят, что белогвардейцы спрятали перед бегством огромный клад в Омске. Клад неоднократно пытались найти, но безрезультатно. А может быть, никакого клада и не было?

Но не будем забегать вперед. С этим я еще столкнусь в моем повествовании.

Нефтегородок тоже не произвел на меня впечатления. Это был тип микрорайона, приспособленного под обслуживание нефте- и газоперерабатывающих предприятий, в основном с четырёх и пятиэтажными кирпичными постройками...

Трамвай довез меня до улицы Энтузиастов, и я без труда нашел дом своего институтского товарища. Двери открыл сам Иван. Он сначала остолбенел и от неожиданности потерял дар речи. Потом бросился обнимать меня.

– Не позвонил, не написал. Дал бы телеграмму, что-ли... Как с неба, ей богу! – растерянно запричитал Иван.

Сюсюканий и соплей я не любил и в отличие от Ивана сдержанно принял проявление его телячьего восторга: в таких сиюминутных выражениях мне всегда виделась некая фальшь, и, может быть, именно от того, что они сиюминутны. Я терпеливо дождался, пока он отпустит меня, и с усмешкой сказал:

– Да ты не напрягайся, Вань. Я у тебя на пару дней, пока устроюсь как-то. Это возможно?

– Что ерунду говоришь, – обиделся Иван. – Я мог бы встретить тебя. Город-то незнакомый. Как добирался?

– Нормально. От вокзала троллейбусом, здесь трамваем.

– Есть хочешь?

– Спасибо, я на вокзале чаю выпил.

– Чай – не еда. Давай, тащи вещи в мою комнату и пошли на кухню пельмени есть.

В комнате Ивана с трудом помещались кровать, шифоньер и однотумбовый письменный стол. Я запахнул рюкзак под стол, чемодан поставил рядом так, чтобы не загораживать проход.

– Мне б помыться, – попросил я.

– Прости, не сообразил, – хлопнул себя ладонью по лбу Иван. – Иди в ванную, я сейчас принесу полотенце.

После душа ели пельмени, выпили по рюмке водки из графинчика, который Иван достал из серванта, и болтали, вспоминая студенческие будни.

– А чего ты приехал летом-то? – спросил Иван. – Ты же собирался к сентябрю.

– А поработаю до школы где-нибудь. У тебя же отец начальник отдела кадров? Поможет?

– Да запросто! – согласился Иван.

– Родители-то знают, что я могу завалиться к вам татарин? – спросил я.

– Почему татарин?

– Да ведь говорят, «незванный гость хуже татарина».

– Не бери в голову, – засмеялся Иван. – Достаточно того, что они про тебя знают. Разберемся...

Вечером пришли с работы отец и мать Ивана. Иван представил меня, сказав, что я буду работать в школе учителем.

– Какая школа, – пожал плечами отец Ивана Сергей Николаевич. – Июнь месяц только пошел.

– Да я поработать хочу до осени. Поможете?

– А что я вам предложить могу? Разве что рабочим, а у вас диплом о высшем образовании.

– Так я на другое и не рассчитываю, – заверил я. – Пару месяцев физического труда только на пользу пойдут.

– Похвально, – одобрил Сергей Николаевич. – Рабочих рук у нас всегда не хватает. И когда вы хотите приступить к работе?

– Да хоть завтра, – сказал я.

– Идет! Завтра жду к десяти в отделе кадров. Ванька покажет, где наше управление.

Может и ты, Вань? – повернулся Сергей Николаевич к сыну. – Заодно с приятелем. Чего без толку дома сидеть?

– Ты, что, отец, сдурел, – вступилась мать Тамара Петровна. – Ему школы по горло хватит.

– Не, батя, я погожу, – засмеялся Иван. – Это Володька. Он у нас особенный, с чудинкой. А я лучше на диване поваляюсь, книжки читаю, да на речке позагораю в свое удовольствие.

– И по девкам побегаешь, – недовольно буркнул отец.

– Серёж! – Тамара Петровна строго посмотрела на мужа.

Ванька только ухмыльнулся, но промолчал.

Пили за знакомство из того же графинчика и снова ели пельмени, правда, прежде съели по тарелке наваристого борща.

Тамара Петровна водки не пила и в разговоре участвовала неохотно. Только спросила в конце ужина:

– Это правда, что вы, Володя, обладаете каким-то особым даром? Ваня говорил, что вы можете лечить руками и предметы двигать взглядом.

– Ну что вы! Иван вам наговорит. Что-то могу, хотя ничего необычного здесь нет. А так больше разговоры.

Я по-прежнему старался быть осторожным. Я помнил письмо физика Френкеля, которое в своё время напугало отца. Тогда отец в осторожной форме написал о моих способностях и, в частности, о способности предвидения в Академию Наук СССР и получил ответ профессора Н. Блохина: «У меня позиция была и остается твердой: с научной точки зрения в этом феномене ничего нет. Чудесами и мистикой мы не занимаемся». Френкель же на письмо ответил мягко, но ответ его прозвучал, как предупреждение и напугал отца: «...обстановка в науке настолько сложна и опасна для открытого обсуждения этих сложных проблем, что приходится скрывать информацию в стенах лаборатории, хотя лаборатория поддерживается профессором А. Д. Александровым... Поэтому ни в коем случае не следует никому нигде рассказывать... Все будет расценено, как распространение лженауки».

Сейчас, конечно, не то время, чтобы бояться репрессий за то, что твоя психика отличается от общепринятой нормы и за то, что природа наделяет кого-то особыми способностями, тем более, неизвестно, дар это или проклятие. Ведь даже в той памяти, которой я обладаю, мне стыдно признаваться, и я, как раньше в школе, в институте на экзаменах по таким предметам как политэкономия, например, старался переставлять слова и предложения, чтобы не казалось, что я вызубрил главу наизусть, хотя текст представал перед моими глазами фотографической картинкой, который я мог читать с закрытыми глазами...

Спать меня устроили на кухне на раскладушке. С дороги и после двух рюмок водки я уснул скоро, но обладая тонким восприятием, чутко уловил скрип кухонной двери и открыл

глаза. Из комнаты в коридор и в кухню через щель не закрытой плотно двери проникал свет, а потом я услышал шёпот Тамары Петровны:

– А он что, будет жить у нас?

– С чего ты взяла? – так же шёпотом ответил Сергей Николаевич.

– Так он в школу пойдет только в сентябре, – тот же шёпот Тамары Петровны.

– Успокойся! Завтра я ему выпишу направление в общежитие как рабочему строй-монтажного управления.

– Ну, тогда ладно!

– Тебе что, не понравился молодой человек?

– Нет, почему же? Вполне симпатичный и видно, что самостоятельный. Только эти его какие-то подозрительные способности. Как бы беды не случилось.

– Не говори глупости. Володька тоже дружить с кем попало не станет. И потом, в институте не стали бы кого зря держать. А они дипломированные специалисты, высшее образование. Это мы с тобой до техникума только и дотянули.

– У нас время было другое. Война. Сейчас другие возможности... Зато у тебя шесть медалей и два ордена.

– Ладно, давай спать, – тяжело вздохнул Сергей Николаевич.

Еще некоторое время в комнате слышалась возня, скрип кровати, и всё скоро успокоилось.

Утром я стал собирать раскладушку, освобождая кухню до того, как встали хозяева. Пожелав Сергею Николаевичу и Тамаре Петровне доброго утра, я нырнул в комнату Ивана, чтобы не мешать им собираться на работу.

После завтрака мы с Иваном поехали на работу к его отцу. Кабинет начальника отдела кадров представлял собой небольшое пространство с большим двухтумбовым столом, двумя шкафами с папками и рядом стульев с черными дерматиновыми сидениями и спинками вдоль стены. Такой же стул стоял у стола. Сам Сергей Николаевич сидел в жестком кресле, похожем на стулья, только с деревянными подлокотниками.

– У тебя трудовая книжка есть? – доброжелательно спросил Сергей Николаевич, переходя на «ты», что совершенно меня не обидело: ведь я был товарищем и одногодком его сына.

– Есть, я же в сельской школе два года поработал – сказал я, протягивая трудовую книжку.

– А зачем же ты сюда-то приехал. Чем же дома было плохо? Или нашкодил? – Сергей Николаевич подозрительно сощурился.

– Да что вы Сергей Николаевич! Как вам в голову такое могло прийти! – обиделся я. – Посмотрите, у меня даже благодарность за хорошую работу в книжке записана.

– Да, действительно, – удивился почему-то Сергей Николаевич, найдя запись в конце моей трудовой книжки. – Тогда, чего тебя потянуло к перемене мест-то?

– Я, Сергей Николаевич, нигде еще не был. Вот вы пол-Европы с войной прошагали. Столько повидали, – польстил я. – А я нигде еще не был. А больше всего на Сибирь хотел посмотреть. И Иван много рассказывал, скучал по своему городу.

– Да-а, Сибирь – это, брат ты мой, сила. Мы, сибиряки, и в войне своей земли не посрамили... Твой-то отец воевал? – строго спросил Сергей Николаевич.

– А как же, воевал, – неохотно сказал я. – Только на другом, секретном фронте.

– Это что же, разведчик, что-ли?

– Что-то вроде этого. В Тегеране. Только он почти ничего нам не рассказывал. Говорит, подписку давал.

– А-а, понимаю, понимаю. Вон оно как, значит. Конференция трех держав, товарищ Сталин и все такое.

Он посмотрел на меня с уважением, будто это я служил в Тегеране и обеспечивал конференцию трех держав. Но я не стал говорить, что отца во время этой исторической конференции в Иране уже не было, потому что он, смертельно контуженный, лежал в госпиталях, сначала в Тегеране, потом в Ашхабаде.

– Я тебя оформлю слесарем-трубоукладчиком, – Сергей Николаевич словно извинялся передо мной. – Особой квалификации здесь не требуется. В основном земляные работы. Будешь, что называется, на подхвате.

И, наверно, чтобы ободрить меня, добавил:

– Летом у нас жарко, говорят, триста солнечных дней в году. Как в Сочи. В Сочи был?

– Не был, – сказал я.

– Ну вот, в траншеях, которые роет экскаватор для укладки труб, чистая холодная водичка, не хуже, чем в море. Так что, кроме здоровья никакого вреда, – весело заключил Сергей Николаевич.

– Да все нормально, Сергей Николаевич. Что, мы не работали что-ли. Вань, помнишь, как на ликероводочном заводе вкалывали?

– Что-то мне Ванька про это не говорил, – видно словосочетание «ликероводочный» отца Ивана насторожил, и он как-то подозрительно посмотрел на Ивана

– А что говорить-то? Мы ж не пить туда ходили. Подрабатывали. Студентов охотно и брали на временную работу, потому что они не пили.

– Ну ладно, всё, – повернулся ко мне Сергей Николаевич. – Иди в отдел кадров, дверь рядом, оформляйся. Я сейчас позвоню. Как оформишься, зайдешь. Я дам тебе направление в общежитие. У нас, сам видел, тесновато. Да и тебе, я думаю, неудобно у нас толкаться.

В отделе кадров меня встретила молодая женщина.

– Это насчет вас звонил Сергей Николаевич? – приветливо спросила женщина. – Идите к моему столу. Она попросила паспорт и Трудовую книжку, удивленно вскинула брови, прочитав последнюю запись, где значилось, что я учитель, но ничего не сказала и сделала новую запись: «Принят на работу в качестве слесаря-трубоукладчика 3-го разряда» и число, скрепив всё печатью.

Сергей Николаевич лично заполнил мне направление в общежитие и, прощаясь, пригласил:

– К нам заходи, милости просим. Ты парень, вижу, толковый, так что Ваньке от тебя только польза.

Глава 2

Общежитие. «Баянист» Корякин. Градообразующий завод. Новый район и его история. Испанец Антон, Степан Захарыч и чуваш Талик Алеханов. Коммуна четырёх. Пьяница Колян.

Общежитие находилось в двух кварталах от Ванькиного дома, но довольно далеко от завода, куда мы с ним добирались трамваем. Это было четырёхэтажное кирпичное здание, в торце которого разместилась бакалея, что казалось мне удобным: не нужно будет тратить время на дальние походы, по крайней мере, за хлебом и молоком.

Я показал направление пожилой вахтёрше, и она, надев очки, стала придирчиво изучать бумагу, читая её про себя, шевеля губами, и даже на всякий случай перевернула листок на другую сторону, а потом строго оглядела меня поверх очков и отправила к коменданту на второй этаж.

– А как зовут коменданта? – спросил я.

– Валентиной Васильевной зовут, – чуть помедлив ответила вахтёрша, бросив на меня подозрительный взгляд, будто решала, открывать мне эту «государственную тайну» или нет.

Комендантша, довольно симпатичная не старая ещё женщина, оказалась более доброжелательной, чем вахтёрша.

– Мне насчёт вас звонил Сергей Николаевич, – с улыбкой сказала комендантша. – Но я не представляю, куда вас поместить. – Лицо её приняло строгое выражение. – У меня свободно только одно место в комнате на шесть человек. Один рабочий уволился и вчера съехал. Возможно, скоро освободится место в комнате поменьше, тогда я вас смогу перевести туда... Я так и объяснила Сергею Николаевичу.

– Ничего страшного, Валентина Васильевна, – успокоил я комендантшу. – Поживу и в этой.

– Ну, тогда ладно! Тем более, что там народ, в общем, можно сказать, культурный, чего не скажешь о некоторых других комнатах. Оставляйте паспорт – я вас оформлю. Вещи потом сдадите в камеру хранения. Возьмите, что нужно, а остальное сдайте.

И она повела меня по длинному коридору в конец общежития.

– А Сергею Николаевичу вы кем доводитеесь? – поинтересовалась Валентина Васильевна.

– Я с его сыном в институте учился, – не стал скрывать я. – С осени буду преподавать в школе. А летом хочу поработать.

– Ну, тогда понятно, – кивнула головой Валентина Васильевна, и лёгкая усмешка скользнула по её лицу. Комендантша в моём решении поработать пару месяцев видела просто блаж.

– У нас живут люди разные. Есть завербованные, есть бывшие зеки. Бывает пьянство, мордобой, – пугнула меня комендантша.

– Завербованные не всегда плохие люди, а зеки есть везде, – философски изрёк я.

Валентина Васильевна пожала плечами.

В просторной комнате стояло шесть кроватей, застеленных кое-как коричневыми с синими полосками байковыми одеялами. Возле кроватей в изголовьях стояли тумбочки. В середине комнаты расположился прямоугольный стол с голой, ничем не застеленной фанерной крышкой и четырьмя стульями вокруг. С потолка свисала лампочка на витом электропроводе без плафона. Проводка шла по верху от выключателя и закреплялась на керамических роликах.

На кровати сидел ражий веснушчатый малый с баяном. Перед ним стоял стул с прислонённым к спинке самоучителем игры, и он сосредоточенно разбирал ноты.

– А ты, Корякин, чего не на работе? – спросила комендантша.

– А у меня сегодня отгул, – недовольно отмахнулся Корякин, не отрываясь от своего занятия.

– Где у вас свободная койка?

– Это вместо Васьки «Круглого что ль? – поднял голову Корякин.

– Да, вместо Круг'лова, – поправила комендантша.

– Его кровать у окна была, только её занял Колян, а Коляново место вон, у стенки.

– Я задвинул чемодан с рюкзаком под кровать, на которую указал Корякин и, сняв туфли, завалился на неё поверх одеяла. Я устал после всех сегодняшних походов и тело требовало отдыха...

После оформления на работу в отделе кадров мы с Иваном Карюком шли пешком. Я хотел поближе познакомиться с городом, где предстояло какое-то время жить. Строительно-монтажное управление, куда я устроился на работу, как и множество других предприятий, обслуживало нефтеперерабатывающий завод. Оно находилось недалеко от завода и оттуда хорошо была видна его огромная территория, которая впечатляла своими размерами.

– 1200 гектаров. 1800 футбольных полей, – сказал Иван. – Одних автодорог 150 километров.

– Вижу, что предмет тебе знаком, – улыбнулся я.

– А как же! Все мы в какой-то мере зависим от завода, ведь и наш городок вырос вокруг его строительства, недаром он и называется городок Нефтяников.

Лес труб возвышался над кирпичными заводскими строениями, изрыгая в небо густой дым, который клубился и извивался от лёгкого ветра, а потом расплзался и растворился в вышине, заполняя всё пространство до горизонта. Яркое пламя факела, похожего на гигантскую свечу, превращалось в черную тучу дыма и тоже уходило в небо.

– И всё это идёт в атмосферу? – спросил я, глядя на причудливую игру плотного, будто вылепленного из пластилина, дыма.

– А куда денешься? Все вредные примеси на город. Да ещё и со сточными водами от нефтепереработки в поверхностные воды поступает до хрена всяких сульфатов, фенолов и другой дряни.

– Как же здесь можно жить?

– Живём, как видишь. Да и не вечно же так будет. Придут новые технологии, появятся новые очистные сооружения. Что-нибудь придумают... Зато здесь надёжная работа и хорошие заработки. Завод обеспечивает больше двух тысяч рабочих мест, а если со всеми подрядными организациями, то, считай, раза в три больше.

– Я слышал, нефтезавод строили зеки, – сказал я.

– Почему только зеки? В строительстве участвовало много рабочих, в том числе и зеки. Сюда ехали молодые специалисты со всей страны. Кстати, на стройке работал в числе заключённых Лев Гумилёв, который отбывал срок в Омске...

Мы шли по улицам, название которых часто отражало специфику городка: улица Химиков, Нефтезаводская, улица Энергетиков, улица Энтузиастов.

– Район наш ещё строится, – рассказывал Иван, – хотя, в основном, всё, что нужно, здесь уже есть... А ты знаешь, когда я уезжал в Ленинград учиться, здесь ещё не было ни троллейбусов, ни трамваев, а теперь, смотри, и трамваи, и троллейбусы.

Действительно, мимо нас громыхали трамваи, трезвоня pedalными звонками; высекая искры дугами, шли троллейбусы, и вообще дыхание города ощущалось в полной мере: люди, заполняя тротуары, спешили по своим делам, сигналили грузовые и легковые автомобили. Всё двигалось, всё работало. Радовали глаз зелёные газоны и молодые деревья сквериков.

– Представь, что всего какой-то десяток лет назад, здесь была деревня с одной школой, одним магазином, да почтой, а теперь настоящий современный город с детсадами, школами, библиотеками, поликлиниками.

В центре района на проспекте Мира возвышался Дворец культуры нефтяников, отражая стеклянным фасадом площадь перед собой.

– Раньше здание украшали колонны, но когда стали бороться с архитектурными излишествами, колонны снесли. Теперь вместо них – высокое крыльцо... С колоннами было красивее, – посетовал Иван.

С проспекта Мира мы через парк спустились к песчаному пляжу Иртыша, и я, наконец, увидел величественную сибирскую реку. Широкая и спокойная, она тихо несла свои воды от границ Китая в Обь, куда и впадала, пройдя огромный путь более, чем в четыре тысячи километров, что я знал из энциклопедии, вычитывая сведения о сибирской столице, когда окончательно созрело решение ехать сюда.

По реке в обе стороны проплывали белоснежные теплоходы, в сторону Омска шла баржа с лесом.

– На берегах Иртыша жили древние племена, и в курганах долины реки до сих пор при раскопках находят изделия из золота, – сказал Иван. – А ты знаешь, в нашей реке водятся почти все виды рыб, даже осетровые. Хотя из-за загрязнений рыбы становится меньше. Да ещё браконьеры.

– Ну я не рыбак, так что меня можно не опасаться, – пошутил я...

Домой мы вернулись к обеду. Иван накормил меня вчерашним борщом и пельменями, и я, взяв свои вещи, пошел устраиваться в общежитие.

Иван хотел идти со мной, но я решил, что он будет мне только мешать, и отговорил его, сказав, что мне проще уладить волокиту с устройством в общежитие одному...

Корякин мучил инструмент, долго прилаживая пальцы к кнопкам баяна сначала правой клавиатуры, потом левой, и наконец извлекал неуверенный аккорд.

Звуки повторялись с какой-то определенной последовательностью, спонтанно образуя своеобразный ритм. Глаза у меня стали невольно слипаться, и я, сам не замечая того, уснул...

Проснулся я от голосов, которые вдруг заполнили комнату. Это пришли с работы мои соседи: их было трое, не считая Корякина, с которым я уже успел познакомиться, – два молодых и пожилой, мне показалось, старик, мужчина.

– Новенький? – спросил меня в упор невысокого роста парень с монгольскими скулами и обветренным лицом.

Я молча пожал плечами.

Мужики вывалили на стол консервы, ливерную колбасу и хлеб, разошлись по своим кроватям, полезли по тумбочкам, и на столе появилась алюминиевая кастрюля значительных размеров, макароны в кульке, сало.

– Антон, – сказал пожилой, – тебе варить макароны.

– Э-спасибо. Пусть Толик варит, я вчера варил, – возразил Антон.

– Иди-иди, – усмехнулся Толик. – Я два дня подряд картошку жарил.

– Ладно. Раз так, хорошо, пойду. Но завтра не пойду.

Говорил он с лёгким акцентом быстро и эмоционально, и слова почти сливались в предложении. «Р» в начале слова он произносил раскатисто, «ч» у него выходило как «тч», а «в» у Антона похоже было больше на «б». Перед словом «спасибо» он вставил «э».

– Eres espanol? – спросил я.

Он удивлённо посмотрел на меня.

– Si. Habla espanol?

– Un poco. No hay practica cinversacional.

– La practica sera. Encantado de conocerte¹. Cómo sabes que soy español?

– Por acento.

---

¹ – Вы испанец? – Да. Говорите по-испански? – Немного. Нет разговорной практики. – Теперь будет. Очень рад знакомству. А как ты узнал, что я испанец? – По акценту.

Я заметил напряжённое внимание Степана и Толика, которые с удивлением слушали наш разговор на чужом языке. Это их смущало, и я добавил по-русски:

– У вас нет звука «сп», поэтому ты произнёс «э-спасибо».

– Я как-то на это не обращал внимания, – сказал довольный Антон и ушел с кастрюлей на кухню варить макароны.

Языки мне давались легко. Когда я ещё учился в своём родном городе, мы с моим другом Юркой ходили на факультатив испанского, который вёл наш преподаватель Зыцарь, а потом, уже в Ленинграде, куда перевёлся после первого курса иняза, я, уже обладая некоторыми знаниями языка и каким-то словарным запасом, на спор с одним из старшекурсников выучил испанский за три месяца. Ну, может быть, «выучил» – громко сказано, не выучил, но мог более-менее прилично объясняться на испанском, имея в виду бытовой уровень, что оказалось не очень и сложным. Правда, в течение трёх месяцев мне пришлось оставаться после лекций, и я ходил в лингвистический кабинет, где слушал пластинки с уроками испанского, которые мне давал наш преподаватель Марк Маркович Сигал, чтобы освоить произношение.

Принимал экзамен он же. Беседовали на испанском десять минут, и Сигал безоговорочно признал, что я пари выиграл...

Когда с дымящейся кастрюлей вернулся Антон, все сели за стол.

– Новенький, – повернулся ко мне пожилой, – садись с нами, знакомиться будем.

Я было стал отнекиваться, мол, неудобно.

– Иди-иди. «Неудобно задом наперёд ходить», – сказал пожилой.

– Давайте я хоть за бутылкой схожу, – предложил я, видя, что на столе появилась бутылка водки.

– Поставишь, когда получку первую получишь, – остановил меня пожилой. – Да и мы особо в будни не пьём – работать потом тяжело.

– Меня зовут Степан, по батюшке Захарыч, но все зовут просто Степан. И ты так зови... – Испанца зовут Антоном, а если по-ихнему, то Антонио.

– А это Анатолий, художник, – показал Степан на парня с азиатскими чертами лица. – Фамилия его Алеханов, чуваш.

– У меня мать русская, а Алехан по-чувашски значит защитник, – пояснить Анатолий. – А Анатолий – это по-русски; по-чувашски: Талик или Таляк.

Говорил он, растягивая слова и ставя ударение в конец предложения.

– Работает этот защитник, куда определяют, а больше по земляным работам. Хотя часто зовут писать призывные плакаты... Ты, часом, не из идейных?

– Да вроде нет, – пожал я плечами...

– А чего Корякин не с вами? – спросил я.

Корякин, как только сели за стол, оставил свой баян, бережно упаковал его в футляр чемоданного вида и вышел.

– Он сам по себе. Жлоб, жмудик. С нами в долю не входит. Он и на баяне учится, чтобы на свадьбах играть, да капусту рубить по лёгкому. На зоне таких не любят.

– Сам-то ты как? Хочешь, примыкай. Ты, я вижу, парень не простой, грамотный. Ну, дак и мы тоже не простые, потому что битые.

– Хорошо, – не раздумывая, согласился я. – А что я должен?

– Мы здесь только завтракаем и ужинаем, обедаем в столовой. Свой автобус возит. Кому ехать неохота, обходится батоном, да бутылкой молока... Значит, так, сбрасываемся с получки по четвертному на чай, пельмени, макароны, сахар, ну, там, ещё колбасу берем, сало. Если выпить – это, понятно, отдельно.

Степан, проговорив всё это, посмотрел на меня.

– Ну, как ты ещё не заработал, – внесёшь после.

– Зачем после? Я, Степан Захарыч, отдам сейчас. Немного денег у меня есть с собой.

– Ну и лады, – одобрил Степан.

Я видел, что ему нравится моё почтительное обращение к нему.

– В комнате есть ещё один жилец, Колька. Так ты с ним не водись. Дурак, хоть и техникум кончил, и пьяница. Бухает каждый день.

– Да хорошо бы просто бухал, как нормальные люди, а бухает-то вдумчиво и серьёзно, с надрывом, будто перед светопреставлением, – добавил Толик. – Говорит, осенью в армию идти, так хоть напоследок погуляю.

– Ага. А до осени ещё два месяца, так что допьётся до белой горячки, – серьёзно сказал Степан.

– И не в армию, а в психическую лечебницу попадёт, – вставил своё слово Антон.

– В дурдом, – поправил Толик.

От водки я отказался, но поел плотно. Все сидели ещё за столом, но стали говорить о каких-то своих делах, которые меня не касались, я почувствовал себя лишним, поблагодарил и ушел в свой угол. Меня не задерживали.

Из коридора донёсся шум, недовольный говор, что-то упало, кто-то невнятно матернулся, и в комнату ввалился пьяный малый.

– Колян. Лёгко на помине, – засмеялся Толик.

– Не поминай чёрта, он и не появится, – буркнул Степан.

Колян тупо обвел всех невидящим взглядом. Зрачки его закатывались, так что виделись лишь мутные белки, расстёгнутая рубашка вылезла из штанов. Он заплетающимся языком проговорил «здрассте» и, с трудом удерживая равновесие, направился к своей кровати, причём, забыв, видно, что кровать поменял, хотел пристроиться на свое прежнее место, но наткнулся на меня, удивился, с минуту стоял, держась за спинку кровати, пока Толик взял его за плечи и отвел на его новое место. Толик помог Коляну снять ботинки, и тот, как был в одежде, завалился навзничь на кровать и захрапел.

– Оставь ему чуть на опохмелку, – сказал Степан Толику, когда тот стал разливать оставшуюся водку по стаканам. – А то утром на работу не встанет.

– Когда хоть успел, – недовольно сказал Толик.

– Так они с Ряхой и Валетом из девятой комнаты сразу после смены пошли, а до этого в перерыв поллитру раздавили.

После ужина Толик с Антоном стали собираться в кино, звали меня, но я отказался, соврав, что пойду к приятелю – мне хотелось побыть одному, может быть, посидеть в каком-нибудь скверике и подумать, поразмыслить над обстоятельствами, в которых по своей воле оказался. А Степан достал из тумбочки книгу, прилёг на кровать и углубился в чтение.

Глава 3

Объект «Траншея». Шефство Талика Алеханова. Секреты «мастерства». Страна басков в огне. Дети Испании в России. Быт испанских детей. Учёба и образование. Страшные дни эвакуации. Болезни и голод. «Невозвращенец».

Автобус доставил нас на голый участок с траншеей и вагончиком для рабочих. Старенький автобус трясло на неровной дороге, а на ухабах кренило так, что, казалось, он неминуемо развалится, но в конце концов мы благополучно добрались до места. Большинство рабочих вышли раньше, у проходной завода, и вместе с ними Степан и Антон, а мы, несколько человек, поехали дальше.

Прораб, Александр Борисович, молодой ещё человек, с выгоревшей до соломенного цвета шевелюрой и обветренным, но приятным лицом, записал меня в журнал, выдал резиновые сапоги и робу и провёл короткий инструктаж, который сводился к следующему:

– Возьмешь лом, полезешь в траншею и будешь пробивать отверстия в дренажных трубах, а что дальше, скажу.

– Я покажу, – согласился Толик взять надо мной шефство.

Мы спустились в довольно глубокую траншею, почти по колено заполненную чистой, профильтрованной через глину и песок водой, и Толик показал, как долбить ломом трубы, чтобы пробить в них отверстия.

– Так всё время и будем трубы долбить?

Толик посмотрел на мою постную физиономию и успокоил:

– Укладку и монтаж труб тоже делаем мы. Только ты сначала ломом дырки подолби – тоже сноровка нужна, а за день, если всё время ломом махать, намахешься так, что рук не поднимешь... Да ты не бойся, мы часто меняемся. В укладке тоже сложного ничего нет, главное, не зевай, а то трубой башку снесёт: когда экскаваторщик опускает трубу или муфту, он на тебя не смотрит.

Вскоре я приловчился и бил ломом также лихо, как и другие рабочие, поднаторевшие в этом деле за долгое время работы.

Толик стоял рядом со мной и разравнивал лопатой щебёнку, которую насыпал экскаватор; через некоторое время лопату брал я.

– Толь, – спросил я, – а как Антон оказался в Омске?

– Вывезли из Испании вместе с другими детьми, когда там шла гражданская война.

– Это я понял. Как он в Омск попал?

– Представления не имею, – пожал плечами Толик, – Завод большой, платят неплохо... Не знаю. Зачем тебе?

– Да так, интересно... А чего он не вернулся на родину, когда стало возможным? Многие ведь вернулись?

– Не многие. Их же не выпускали.

– Как это не выпускали? – искренне удивился я.

– Там же установился франкистский режим... Куда ж их, к фашистам? А когда они становились совершеннолетними, принимали советское гражданство, а с советским гражданством попробуй уехать... Это уже при Хрущёве, кто хотел, разрешили вернуться. Но, говорят, вернулось меньше половины из всех детей. Многие погибли на фронте, а кто, как Антон, у которого никого там из родных не осталось, осели у нас... а кто умер от болезней и голода.

– От голода? – недоверчиво переспросил я.

– Спроси Антона, он тебе расскажет.

Я понял, что от Толика большего не добьёшься, и оставил свои расспросы. Но то, что я услышал от него, шло вразрез с тем, что я знал. А то, что я знал, было окружено героическим ореолом: республиканцы боролись с военными мятежниками, на помощь республиканцам отправились воевать наши добровольцы, потому что мятежникам помогали Италия и Германия. В Испании шла кровопролитная гражданская война, и испанцы, спасая своих детей, отправили их на время в другие страны, в том числе и в СССР. У нас для испанских детей создали особые детские дома, где хорошо кормили, учили и вывозили на юг в пионерлагеря, и прежде всего – в «Артек». Какой может быть голод!..

Но как-то мы остались с Антоном в комнате одни. Все разошлись по своим делам, и только Колян крепко спал после очередной гулянки по случаю выходного.

Время от времени мы с Антоном говорили по-испански: он с удовольствием переходил на родной язык, а для меня это был хороший повод улучшить знание этого красивого певучего языка без крикливых интонаций, как это свойственно итальянцам. Хотя чаще всё же мы говорили на русском языке, которым Антон владел свободно, правда, с лёгким характерным акцентом.

Обстановка располагала к откровенности, и я завёл разговор о том, что меня так удивило в рассказе Толика.

– Это правда, что многие испанские дети погибли от болезней и голода? – задал я вопрос, гвоздём сидевший в моей голове.

– Было такое, – неохотно подтвердил Антон и как-то сразу сник, замолчал, а я пожалел, что затеял этот разговор. Но он вдруг поднял голову, посмотрел, словно пронзил меня взглядом своих черных глаз, и спросил:

– Ты про Гернику слышал?..

Я кивнул.

– Ну вот, – это мой родной город в Стране Басков, которая была разорена и разрушена, а от фашистских бомб от моего города остались одни руины.

Антон чуть помолчал, и, видно, ему было даже мысленно нелегко возвращаться в своё испанское детство, хотя и прошло четверть века, и, казалось, всё ушло безвозвратно, однако оставило горькую память и незаживающую рану в душе.

– Мы жили бедно, – начал свой рассказ Антон, – мои родители не были настоящими республиканцами, то есть не входили ни в какой «Народный фронт», но сражались за республику, как и все баски, против франкистов и фашистов, которые поддерживали мятеж генерала Франко... Это я знаю хорошо. Ведь мне было уже десять лет, когда я попал в Россию... Война, когда свои бьют своих, – это страшно. Наши родители в этой мясорубке уже не думали о себе, они хотели спасти хотя бы нас, детей. Многих тогда отправили во Францию, Бельгию, Англию, в другие страны, а я попал в Россию...

– В Россию ты сам захотел?

– Почему? Отправкой занимался Красный крест и Совет по эвакуации. Кто откликнулся, туда нас и везли. В России нас, между прочим, было отправлено меньше трёх тысяч, а как мы знали от наших воспитателей, Франция, например, взяла двадцать тысяч детей. Бельгия и то приняла около пяти тысяч... Но встретили нас здесь хорошо. Когда пароход входил в порт, встречали цветами...

Разместили в специальные интернаты или детдома – называли кто как. Кто-то из нашей партии попал в Москву, кто-то в Ленинград или на Украину. Я попал в подмосковный детдом. Кормили хорошо, а среди учителей и воспитателей было много испанцев... Знаешь, после того, что мы видели на родине, это был рай. Мы не нуждались ни в чем. У нас даже был сад и футбольное поле. Но те, кто оказался в детдомах далеко от Москвы или Ленинграда жили похуже. В Куйбышеве, я знаю, первое время даже голодали из-за того, что местные власти не смогли наладить нормального снабжения. Потом, правда, всё образовалось... Среди нас были и боль-

ные туберкулёзом; говорили, что в других пансионатах тоже много туберкулёзников и даже открыли специальный детдом в Крыму для таких больных, но мест там не хватало.

– Да что я тебе рассказываю! – спохватился вдруг Антон. – Что было, то было... Да тебе, наверно, это и не интересно.

– Ну, что ты! – горячо заверил я Антона. – Очень интересно. Мы же многого не знаем. Одно дело газеты или радио, из которых нам известны лишь сухие факты, и совсем другое – живой участник событий.

– Это конечно, – согласился Антон, помолчал и сказал: – Ну, слушай.

Учились мы на родном языке, а русский учили как иностранный. Школа, в которой мы могли учиться в Испании, сильно отличалась от школы в СССР. Нам трудно было усваивать вашу школьную программу, которую переводили на испанский... Некоторые, которым уже исполнилось 14—15 лет, учились только в третьем классе. Большинство составляли дети бедных семей шахтёров, и в нашем интернате была лишь начальная школа, поэтому почти никому не удалось поступить в какое-нибудь техническое училище. Я, например, окончил ФЗУ.

В каких-то пансионатах, правда, были средние школы, и кто-то поступал даже в институты... Но, скажу честно, у себя в Испании я бы не смог получить и такого образования. Не поверишь, но многие из нас не могли ни читать, ни писать. Да что далеко ходить, мой дед окончил всего четыре класса.

А ещё нам трудно оказалось приспособиться к вашим порядкам, и мы бунтовали. Мы, например, не хотели вступать в комсомол... В Мексике детям было легче хотя бы потому, что там большинство говорит на испанском. Да и дети там жили в семьях, а не в детдомах... А семья – это семья, хоть и чужая, а с любым детдомом, даже самым что ни на есть хорошим, не сравнить...

– А ты сам вступил в комсомол? – спросил я Антона.

– Не вступил... Да какая разница? Мог бы и вступить. Просто в нас всех говорил дух протеста. Недовольных было много. Говорили, что в Ленинграде детдомовцы даже создали организацию, которая называлась «Комитет народного фронта Испании». Это называлось «проявлением испанских нравов» и жёстко пресекалось. Преподавателей, которых мы любили, вдруг увольняли и даже арестовывали, как «недостойных»... Один из наших воспитателей сказал кому-то из комиссии, которые постоянно приходили с проверками, что хорошо бы поменьше давать детям марксизма, а побольше математики. На следующий день его уже у нас не было... У нас, действительно, без конца проводились политбеседы и всякие семинары по ознакомлению с основой советского строя...

– А почему же ты не вернулся в Испанию? – задал я вопрос, на который не очень вразумительно пытался ответить Толик.

– Вообще мы все думали, как и наши родители, что скоро вернёмся домой, но получилось так, что многие из нас на родину так и не вернулись... Когда у нас окончилась гражданская война, пошли слухи, что из других стран дети возвращаются домой, а нас не выпускали. Мы были недовольны и опять бунтовали.

– Но ведь в Испании победили путчисты, установился франкистский режим, и вас бы ждали там репрессии и тюрьмы, – неуверенно возразил я.

– Глупости, – усмехнулся Антон. – После того, как война в Испании закончилась, почти все дети, которых приняли другие страны, вернулись домой, и ничего с ними не случилось. Можно подумать, что сталинский режим был лучше. Вы же сами осудили Сталина после его смерти. А тогда, стоило нашим учителям поднять вопрос о возвращении, как их начинали считать опасными, называли троцкистами и арестовывали... Не знаю, что с ними было дальше. То ли отправили в лагеря, то ли посадили, а, может, вообще расстреляли. Ты знаешь, для детей после шестнадцати устанавливался особый режим, и они постоянно находились под негласным надзором... Конечно, мы все были для педагогов не подарками, и они с нами намучились

волю. Мы дрались с астурийцами² на вилках, враждовали с «богачами». Сейчас мне кажется это смешным... Да и какие это были богачи? Им в Испании было только чуть лучше, чем нам, которые из совсем бедных семей. Вряд ли это было богатство, скорее – просто достаток. А мы, сами из бедных, быстро зажрались, вообразив, что нам всё можно. Если нас заставляли подмести в спальне или подежурить в столовой, мы это принимали в штыки. Дома нас за такое драли бы нещадно, да поставили бы на горох, а здесь никто не смел трогать. Наши испанские учителя попробовали, так им быстро объяснили, что можно делать, а что нельзя. Может быть, эта безнаказанность привела к тому, что после войны некоторые сели в тюрьму за воровство. Даже, говорили, поймали целую воровскую банду. И на заводах наших, бывало, судили за нежелание нормально работать, за постоянные прогулы и воровство.

– А как ты оказался в Омске?

– Когда началась война, нас эвакуировали, кого в Среднюю Азию, кого в Поволжье, на Кавказ. Я попал в Сибирь... Вспоминать не хочется. Вообще, если до войны мы всё же жили прилично, то с началом войны нам пришлось хлебнуть горя по полной.

До места добирались около месяца. Нас почти не кормили, и мы сидели голодными по несколько дней. От сырой и тухлой воды многие заболели дизентерией. Мы были так истощены, что некоторых выносили из вагонов... Разместили в холодных общежитиях, в небольшой комнате кроме меня поместили ещё пять человек. Труднее всего было привыкнуть к холоду. Русский климат для нас оказался непривычным; к тому же, мы ехали в легкой демисезонной одежде. А местные начальники гоняли нас на сельхозработы, где условия были невыносимые...

В Подмосковье нас вернули только в конце войны.

– Что же, никто не мог позаботиться об одежде и еде?

– Да в это время везде царил такой бардак, что до нас вообще никому не было дела. О нашем положении знал даже нарком НКВД... Слушай, кому мы тогда были нужны, если даже после войны, наша Доллорес Ибаррури палец о палец не ударила, чтобы способствовать нашему возвращению домой... Не знаю, сколько нас выжило. Кто-то погиб на войне, потому что старшие выпускники детдомов, как граждане СССР, отправлялись на фронт, когда достигали призывного возраста... Многие из наших погибли от немецкой пули – а кто-то, может быть, и от испанской. Ведь испанцы воевали на стороне фашистов. Многие умерли от болезней. Были случаи, что кто-то вешался...

Но ты знаешь, у меня нет никакой обиды. Так сложилось. Несмотря ни на что, мне нравится Россия, и вряд ли в Испании мне было бы лучше... Да, тиф, голод, болезни, холод уносили жизни моих испанских братьев, но ведь то же самое испытывали и русские или украинские дети. И почему наша жизнь должна была отличаться от жизни ваших детей?.. Одно слово – война. Гражданская война у нас в Испании, мировая война, которая принесла разруху в Россию...

– А ты сам пытался вернуться на родину?

– Хотел, но мне сказали, что там сразу посадят в тюрьму, потому что мои родители – республиканцы. А потом, когда разрешили свободный выезд, я узнал, что мои родители погибли, – мне так сказали – и возвращаться стало некуда. И я оставил это дело... Да к тому времени я уже и сам считал себя больше русским, чем испанцем. От Испании у меня остался только язык и песни, которые я уже не пою, – грустно улыбнулся Антон, обнажив ровный ряд белых зубов. – Хотя многие вернулись, не только в Испанию, некоторые – в Мексику или в Латинскую Америку, где оказались их родственники, но немало нас осело в России, а кто-то из вернув-

---

² **Испания** – [полиэтничная](#) страна. Кроме [кастильцев](#), в Испании живут [каталонцы](#), [галисийцы](#), [баски](#), [окситанцы](#), [астурийцы](#), [арагонцы](#), говорящие на своих собственных языках.

шихся в Испанию жить там так и не смог, и приехал назад в СССР, который, как и для меня, стал им второй родиной.

– Так как же ты всё-таки оказался в Омске? – повторил я вопрос.

– Приехал строить нефтезавод, да так и здесь и остался. Работаю токарем. Я же ФЗУ закончил. У меня пятый разряд. Зарабатываю прилично, стою на очередь на квартиру. Может, еще и женюсь. А Сибирь мне понравилась.

– Да, тебе досталось, – искренне посочувствовал я Антону.

– А кто сказал, что жизнь лёгкая штука? – просто сказал Антон, и живые и выразительные глаза его, менявшиеся в течение печального рассказа от скорбных и грустных до суровых и даже грозных, мечущих молнии, засветились весёлыми искрами жизнелюбия и излучали оптимизм, как у человека, философски принимающего жизнь такой, какая она есть.

Глава 4

Рабочие будни или «работа без заботы». Почти мистический случай с Гришкой Сычёвым. Уголовник Семён и его жена Люсьен. Семён куролесит. Гипноз в деле. Человек «мутный», непонятный, но не ссученный.

До обеда мы с Толиком успели, не торопясь, но и не в развалочку, продырявить все уложенные в траншею трубы. Работали, сняв рабочие куртки и майки и подставив голые торсы под горячие лучи солнца, оставаясь, однако, в штанах и резиновых сапогах, потому что вода в траншеях оказалась холодной как в ключах, а глина, которую мы невольно месили, соскальзывая с труб, вместе с брызгами воды больше попадали на нижнюю часть тела до пояса.

К обеду мы помылись в чистой прозрачной воде траншеи, вылезли по наклону на поверхность и пошли к вагончику. Я было стал переодеваться, чтобы ехать в столовую в своей одежде, но меня подняли на смех: рабочие переодевались только после смены; сапоги, правда, мыли, но с остальным особенно не церемонились, и роба оставалась заляпанной грязью, землёй и даже мазутом. Так и ехали в столовую, хотя большинство, как и говорил Степан, обходилось батоном и бутылкой молока, которые покупали тут же, в специальном ларьке, где продавалась ещё ливерная или кровяная колбаса и яблочная карамель.

Толик тоже пренебрегал столовой, но поехал со мной за компанию больше в качестве экскурсовода.

Пообедали мы плотно. Борщ оказался наваристым, котлеты хоть и жидковатые, но вполне съедобные. Запили компотом. Всё это обошлось нам в сорок копеек, но времени, затраченного на дорогу и самого обеда, хватило только-только на то, чтобы вернуться назад и снова залезть в траншею.

– Потому почти никто и не ездит, – заметил Толик. – Лучше полежать полчаса на травке, чем это время трястись в автобусе.

После перерыва экскаватор удлинял траншею под следующую укладку труб, а мы в это время с Толей копали лопатами какие-то прямоугольные ямы, похожие на те, которые копают могильщики на кладбищах...

Так мы и работали, если не в траншеях, то на земляных работах; укладывали трубы, которые подавал экскаватор, скрепляли их соединительными муфтами, пробивали в трубах отверстия, засыпали щебнем и песком, а после того как экскаватор сваливал в траншею землю, ровняли эту землю до приемлемого ландшафта. Смотровые колодцы устанавливались в присутствии прораба, как специалиста и как ответственного, который, если не головой, то должностью отвечает за брак.

Вечером автобус отвозил нас в общежитие, которое после шести часов оживало, наполняясь шумами голосов, руганью, а позже пьяными ссорами и часто мордобоем.

Как-то в один из воскресных дней, когда я шел из общежития по каким-то своим делам, меня остановил странный вид вахтёрши тётки Клавы. Лицо её выражало одновременно и крайнюю озабоченность, и недоумение.

– Ты чего, тётя Клав? – не удержался я от вопроса.

– Да не иначе как нечистая сила, – растерянно сказала тётя Клава. – Володь, ты не видел, случаем, Гришка Сычев не выходил на улицу?

– Не видел. А что?

– Его пьяного ребята заперли в комнате, а ключ сдали мне. Сказали, что ему уже хватит, пусть проспится, а то в вырезвитель загремит. Сами, видать, к девкам пошли в общежитие, где кулинарные живут. А щас, смотрю, свят, свят, свят. – тётя Клава трижды суетливо перекрестила лоб. – Идёт Гришка, и вроде даже и не очень пьяный, берёт ключ и поднимается к себе. У меня аж рот раскрылся, а сказать ничего не могу.

– Да ну, тётъ Клав, – успокоил я женщину, – наверно, вы просто не заметили, как он выходил. Задумались или отвлеклись чем-то.

– Да? – тётя Клава посмотрела на меня с сомнением, а я вышел из подъезда общежития, выбросив всю эту чушь из головы.

А вечером в общежитии только и разговоров было, что Гришка Сычев, запертый в комнате, полез с балкона по водосточной трубе вниз, сорвался и полетел с четвёртого этажа. Приземлился на клумбу и остался цел и невредим, только морду поцарапал о куст, хотя тут же протрезвел и перепуганный пошел назад в общежитие. Недаром говорят, что «пьяному море по колено»...

Часто в общежитии по пьяному делу возникали драки. А однажды жилец с третьего этажа Семён переполошил всех, бегая с топором по общежитию с криками «убью». А убить он собирался предполагаемого любовника жены, упитанной до внушительного веса бабы, которой успел до этого поставить хороший фингал под глазом. Жена его, Люся, – он звал её Люсьен – успела убежать от него и спрятаться у Машки-кладовщицы, которая жила одна с сыном-школьником тоже в отдельной комнате. Сам Семён не отличался даже мало-мальски значительной фигурой, росточком доставал может быть только уха своей жены, но её любил, а от того ревновал и частенько бил. По общежитию Семён ходил гоголем и всегда с голым торсом напоказ, потому что и руки, и грудь, и спина его испещрены были наколками, среди которых выделялась церковь с двумя куполами, мадонна с ребёнком и орёл, несущий голую женщину. Пальцы Семёна обрамляли перстни с крестами и другими какими-то символами. А ещё на руках и теле красовались и змеи, обвивающие кинжалы, и тигр с оскаленной пастью, и много всяких мелочей вплоть до надписи: «О Боже! Спаси и сохрани раба твоего Семёна».

Приревновал жену Семён к молодому бульдозеристу Фёдору. Фёдор, высокий и ладный малый, прилюдно отпускал комплименты Люське и даже позволял себе по отношению к ней вольности вроде похлопывания по крутой ягодице или попытки приобнять за плечи, но никто не верил, что Люська могла позволить Фёдору больше этих знаков внимания, которые, конечно, льстили ей, как доведись любой из женщин рабочего сословия, хотя ими городок и не был так богат, как сословием мужским.

Остановить Семёна не решались и сидели от греха подальше в своих комнатах. Комендантша Валентина Васильевна по причине выходного дня отсутствовала, но вахтёрша тётя Клава вызвала милицию.

– Посадят дурака, – сказал угрюмо Степан. – У него же и так две отсидки было, хотя мужик и неплохой. Больше понты, хотя и корявые. Так это просто он куражится, чтобы фигуру свою хилую возвысить, а сам беззлбный. Да и топором никого не убьёт, побегаёт и успокоится. А мусора могут дело пришить.

Я встал и пошёл к двери.

– Ты куда? – остановил меня Толик.

– Да подожди. Я на минуту, – отмахнулся я. Толик пожал плечами, а Степан с удивлением посмотрел на меня. Я вышел в коридор и пошел на истерический голос Семёна, который доносился откуда-то с третьего этажа. Я поднялся на этаж и увидел Семёна с топором в конце коридора. Он стоял у дверей одной из комнат и орал визгливым тенором, что-то вроде «выходи, тварь, а то хуже будет». Наверно, за дверью и скрывалась его Люсьен.

– Семён! – негромко окликнул я буяна.

Семён повернулся в мою сторону и словно иголку проглотил. Его озадачила моя скромная фигура, маячившая в другом конце коридора, когда все сидели в своих комнатах и никто не хотел связываться с придурком, которого вот-вот заберёт милиция.

– Ты кто? – Семён пошёл в мою сторону, угрожающе подняв топор над головой.

Я спокойно ждал его, и когда он приблизился ко мне на расстояние нескольких шагов, я поднял руку в предостерегающем жесте, и он остановился как вкопанный.

– Дай мне топор, – так же тихо приказал я, глядя ему в глаза.

Семён съёжился, лицо его приобрело безразличное, даже какое-то тупое выражение, глаза потухли, и он протянул мне топор.

– Пойдём спать, – сказал я и пошел в сторону их с Люсей комнаты. Семён послушно шёл за мной. В комнате я уложил его на кровать, пообещал, что спать он будет до утра, а утром проснётся в рабочем состоянии и забудет и о топоре, и о бульдозеристе Фedyке.

Применять гипноз к выпившему человеку не так сложно, как иногда считается, но не желательно, так как у него в этот момент психика находится в раскачанном состоянии. Но здесь был особый случай, и мне пришлось отступить от правила.

Тем не менее, этот случай был похож на тот, который произошёл со мной в колхозе на картошке, когда я только поступил в институт в своём городе. Тогда мы пришли к своим сокурсницам в клуб, где их разместили, чтобы защитить от нахальных деревенских парней, досаждавших им вечерами. Один из деревенских, невысокий худощавый с лихо сдвинутой набок кепочкой, из-под которой торчал рыжий чуб, вдруг вынул финку и пошел на нас. Наши напряглись; притихли и деревенские. Когда я поймал взгляд рыжего, меня вдруг словно что-то подтолкнуло ему навстречу. Я не отводил своего взгляда от его глаз, бессознательно мысленно приказывая отдать мне нож. И рыжий, будто споткнулся обо что-то, встал, серые глаза его потухли, а выражение лица изменилось на покорно безразличное, и он протянул мне нож, который я спокойно взял. Похоже, что ни наши, ни деревенские ничего не поняли. Наши молчали, а деревенские с удивлением смотрели на своего товарища.

Мои сокурсники моей «выходки» не поняли.

«Надо быть полным идиотом, чтобы без обоснованной причины бросаться на нож, – сказал мне Струков. – Ложное геройство. Хотел нам свою бесшабашную смелость показать?»

Но они не знали, что мной руководило при этом нечто другое, в чем я должен был утвердиться. Дар телепатии и гипноза, как и предвидения, который я потерял после болезни, случившейся в 14 лет, возвращался ко мне. Это происходило мучительно медленно и долго, но я это чувствовал по тому, как иногда снова начинал воспринимать мир так, как до болезни, то есть ярко и образно, и ощущая себя неотъемлемой частичкой всего, что находилось и жило вокруг меня.

Именно в тот момент мое подсознание подсказало, что я смогу ввести этого деревенского парня с ножом в состояние гипноза, как это делал раньше, и он безоговорочно подчинится мне. Это было бессознательное действие с моей стороны, как будто высший разум не оставляет меня и его волей я совершаю иногда поступки. И это убедило меня в том, о чем говорили Мессинг, Вольштейн и Френкель, что способности могут вернуться. Тогда до этого было еще далеко, но тот случай обнадежил меня, и я твердо уверился, что достаточно ещё какого-то толчка, чтобы мой мозг снова настроился на ту необъяснимую волну, которая позволяет проявляться необыкновенным способностям человека...

Теперь я снова могу мгновенно ввести человека в гипнотическое состояние и продиктовать ему свою волю, которой он безоговорочно подчинится. Однако я стараюсь не распространяться и не показывать свои способности, в которых для меня нет ничего особенного, но любое проявление которых такстораживает и часто пугает людей несведущих.

Ведь что такое тот же гипноз? Это изменённое состояние сознания, в которое гипнотизёр способен ввести человека. И есть люди, которые более подвержены гипнозу. Это люди эмоциональные, со слабым воображением и не умением концентрироваться. И я могу изменить их реальность, мгновенно введя в состояние транса, провоцируя замешательство или даже состояние шока. Что я и сделал с Семёном, сначала окликнув его, а потом остановив предостерегающим движением ладони. И тут же ввёл его в транс. Это всё происходит как-то само собой, и мне не нужно считать, например, до десяти или говорить какие-то слова.

Выскочившие вскоре вслед за мной Толик и Антон видели только, что я держу топор, а Семён идёт за мной следом.

Они стояли перед дверью комнаты, когда я вышел, уложив Семёна спать.

– А это что было? – Толик смотрел на меня изумлёнными глазами, а Антон сказал:

– А нас Степан послал. Идите, говорит, как бы Володьке там этот ненормальный чего не сделал.

– Да ничего не было, – ответил я на вопрос Толика. – Отдал топор и пошел спать.

Толик смотрел на меня с недоверием. Антон молчал и не сводил глаз с топора, который я всё ещё держал в руках.

– А чего ты топор-то держишь? – спросил Антон.

– А куда его? Люське отдадим. Пошли, скажем, что мужик её уgomонился и спит.

Перепуганная Люська сидела на стуле в комнате Машки-кладовщицы, нервно всхлипывала и вытирала слёзы, размазывая тушь по щекам, но успокоилась, увидев злосчастный топор, теперь безопасно и мирно висевший вниз лезвием в моей руке. Я убедил Люську, что Семён будет спать крепким сном до утра, строго попросил не будить, пригрозив, что тогда он опять начнёт куролесить, отдал топор, который она спрятала в шифоньер под бельё, и мы с Толиком и Антоном ушли.

Милиционеры нашли Семёна мирно спящим и, поговорив с Люськой, которая горячо заверила, что никаких претензий к мужу не имеет, а фингал под глазом – это так, чего между мужем и женой не бывает, забирать баламута не стали, чуть потоптались и ушли.

Степан, когда ребята рассказали о топоре и о Семёне, который послушно шел за мной, а в комнате вдруг лёг и уснул как ни в чём не бывало, посмотрел на меня пристально и только сказал:

– Да-а, человек ты достаточно мутный, мне, например, не совсем понятный, но, вижу, в тебе всё же правду и чуйкой чую, что ты свой, не ссученный³.

---

³ 1) Ссученный – (жарг. угол.) – подлый, плохой. (Словарь русских синонимов). 2) лицо, сотрудничающее или подозреваемое в сотрудничестве с оперативными органами. (Большой словарь русских поговорок)

Глава 5

Человек другого склада. Моя любовь и боль – Мила Корнеева. Просто товарищ Ванька Карюк. Мои предпочтения – медицина и практическая парапсихология. Неожиданная болезнь Тамары Петровны, матери Ивана. Дар целителя.

С Иваном я виделся не часто. Он обижался и как-то даже спросил прямо:

– Володь, ты что, меня избегаешь?

И в голосе его была обида.

– Да ты что, Вань? Глупости говоришь. Просто я после работы с непривычки устаю, а в свободное время хочется в библиотеке посидеть... Наверно, моё время течёт по-другому, – отшутился я. – Мне иногда кажется, я с тобой только вчера виделся, а оказывается, – неделя прошла.

– Да у тебя всё с вывертом, – махнул рукой Иван. – Отец про тебя спрашивал. Тоже говорит: «Что-то твой друг тебя не жалует». Думает, поссорились.

Иван, когда я долго не давал о себе знать, сам приходил в общежитие и, если меня не заставал, оставлял записку.

Я был человеком другого склада, некомпанейским и для общения неудобным, сходилась с людьми трудно, любил уединение, книги и размышления.

Новые люди мне были любопытны, но к ним я не привязывался и быстро охладевал, теряя интерес, как только они раскрывались и в них не оставалось тайны, а только обыденность, которой так много было вокруг и которая угнетала. Иногда я задумывался, уж не «болезнь ли это шаманов⁴». Ведь в изменённом состоянии сознания ты испытываешь единение со всеми людьми, и, теряя своё я, становишься частичкой всего земного разума, который составляет единое поле Земли, живого организма. А испытав это чувство, ты смотришь на мир уже немного другими глазами и понимаешь, что это не тот мир, в котором ты хотел бы жить. Всё становится чужим и непонятным. И тогда невольно начинаешь чувствовать одиночество.

Маша Миронова, девушка Юрки Богданова, а потом жена поэта Алика Есакова, когда я уезжал в Ленинград, сказала: «Ты, Володя, хороший человек, но в тебе слишком много рационального. Отсюда и твой некоторый цинизм».

Тогда я уехал, не простившись с Милой, которая, я знаю, меня любила. Она мне нравилась. Я встречался с ней и меня к ней тянуло непонятное и неподвластное мне чувство, которого я раньше не испытывал. Мне хотелось её видеть и хотелось быть с ней. Эти ощущения томления и ожидания следующих встреч были мне до тех пор неведомы, и невозможно было им противостоять. Я понял, что тону в паутине незнакомых ощущений словно в омуте, и испугался. Оставив все колебания, я уехал учиться в северную столицу, как мне посоветовал мой учитель Зыцерь, убедив, что мне необходимо «повариться в котле большого города».

Я ей позвонил и сказал, что уезжаю. Сказал, что уезжаю срочно, чтобы она не прибежала провожать и мне не пришлось врать про бессмысленность наших отношений.

– А как же я? – растерянно спросила Мила, и я, словно вор, который спешит спрятать «концы в воду», торопливо проговорил банальное:

– Так получилось. Но я буду приезжать, и мы будем видеться.

Позже, в Ленинграде, когда Юрка приехал навестить меня после экспедиций на Памир, я, зная о том, что он недавно был в нашем городе, спросил о Миле, и он сказал:

– Не понимаю, зачем изводить себя. Ведь она тебя любит.

---

⁴ «Болезнь шаманов» – психическое состояние, к которому приводят мистические переживания.

– Не знаю, не всё так просто. Я человек не совсем нормальный, а, следовательно, и для семейной жизни вряд ли приспособленный, – пытаюсь оправдаться, я плёл что-то несурзное, во что и сам не особо верил.

– Не наговаривай на себя, – сказал Юрка. – Твои особые способности не мешают тебе оставаться нормальным человеком... И не морочь девке голову. Реши раз и навсегда: или так, или так, потому что она, говорят, собирается замуж... Назло тебе...

С Милой мы встретились, гуляли всю ночь, говорили и не могли наговориться, а перед рассветом уснули на моём расстеленном пиджаке на траве под вековыми липами у стен монастыря. Я провожал её до общежития, где она остановилась для пересдачи какого-то экзамена, и чем ближе мы подходили к её жилью, тем большее смятение от неминуемого расставания испытывал я, а она шла молча, понуриив голову, и я чувствовал, как её охватывает нервная дрожь.

– Мы вечером увидимся? – робко спросила Мила.

– Нет. Сегодня я уеду. Так будет правильно, – твёрдо сказал я. Сказал, потому что она уже была замужем...

Теперь я знаю, что это была любовь, и я обрёл себя на вечное, щемящее чувство тоски, а память всё чаще возвращает меня к тем мгновениям мимолётного, несостоявшегося счастья. И только слабая мысль как ощущение, что она меня всё ещё любит, теплом согревает мою душу и даёт надежду.

Вот это моё странное, выходящее за пределы разумного понимание взаимоотношение даже с близкими мне людьми, часто и принимается за цинизм.

Ванька был хорошим человеком, незлобивым, необидчивым и открытым, но способности имел посредственные и к тому же немного заикался. А поэтому учился с трудом, хотя зубрил прилежно, и я его видел всегда корпевшим над учебниками. Языки давались ему с трудом, и мы не понимали, какие фантазии привели его на наш факультет. Преподаватели тоже скептически представляли его филологическое будущее. Ванька понимал это, но с фанатическим упорством продолжал штурмовать непреодолимую Голгофу. С горем пополам он всё же закончил институт. Наверно, преподаватели нашли в нём если не способного лингвиста, то задатки педагога, что для пединститута считалось немаловажным качеством в студенте. Наверно, поэтому его опекала завкафедрой Татьяна Васильевна, старая дева, которая вела у нас педагогику, любила Ивана и всеми силами тащила его к его заветной мечте – диплому.

Но другом мне Иван не был, как не было у меня и других друзей, а те, что были, остались в детстве и разъехались кто куда. И даже к Юрке, который понимал меня, может быть, лучше других, и сам считал меня своим другом, я относился прохладнее, чем он этого заслуживал...

Свободное время я проводил в библиотеке на улице Мальнева, что недалеко от общежития, а чаще в центральной Ленинке, которая только что переехала из бывшей женской гимназии в новое здание на бульваре Победы. Это занимало время, потому что нужно было ехать троллейбусом в центр Омска.

Меня по-прежнему увлекала медицина, но больше практическая парапсихология, то есть то, что относится к изучению сверхъестественных психических способностей человека, в том числе трансперсональная⁵ и аномальная⁶ психологии.

---

⁵ **Трансперсональная психология** – течение психологии, которое изучает **трансперсональные** переживания, изменённые состояния сознания и религиозный опыт, соединяя современные психологические концепции, теории и методы с традиционными духовными практиками Востока и Запада. Главные идеи, на которых базируется **трансперсональная психология** – недвойственность, расширение сознания за пределы обычных границ.

⁶ **Аномальная психология** – исследует не поддающиеся объяснению явления, субъективные аномальные события в традиционных психологических условиях, экстраординарные поведения и опыты, включая (но не ограничиваясь) те, которые часто обозначаются как «паранормальные».

Я читал Зигмунда Фрейда, который считался основоположником психоанализа и которого не очень читали у нас в стране, но до конца 30-х годов перевели почти все его книги, хотя всё, что я нашел в Омской библиотеке, – это дореволюционная брошюра «О сновидениях»; но я заказал и получил по МБА⁷ его «Психопатология обыденной жизни», «О психоанализе» и «Страх». Таким же образом я прочитал книги Карла Юнга «Психологические типы», которую в русском переводе издали в 1924 году, и его «Связи между Я и бессознательным». А работу «Психоанализ как естественно-научная дисциплина» Вильгельма Райха, где он пытался соединить учения Фрейда и Маркса, я нашел в журнале «Естествознание и марксизм», издания ещё 1929 года.

Меня не интересовала концепция сексуальной энергии, которая часто лежала в основе трудов этих психологов. Мне была интереснее концепция того же Фрейда о преодолении детских травм в зрелом возрасте. Меня занимала психика человека с точки зрения возможности лечения некоторых расстройств энергией рук и введением в особое, то есть, в необычное состояние сознания (когда меняется электромагнитное поле мозга). В этом состоянии человек как бы перевоплощается. Я не знаю, куда он духовно отправляется, но есть теория, которая предполагает существование единого информационного поля Земли, в котором записана вся история планеты и, подключившись к этому полю, человек может получать знания о далёком прошлом и будущем, которые ему в обычном состоянии недоступны. Недаром Юнг писал о коллективном бессознательном, как об одном из уровней этого поля...

Всё это я вспомнил потому, что Иван пожаловался вдруг на то, что у матери, которая страдала от мигрени, приступы головной боли, раньше беспокоившие её время от времени, стали повторяться почти каждый день. Она раздражалась по любому пустяку, или начинала беспричинно плакать.

– А теперь вообще в каком-то ступоре, – жаловался Ванька. – Взяла неделю без содержания. Сидит, молчит, если что-то делает, то через силу... Ночью встаёт, пьёт валерьянку, а потом сидит, говорит, что боится спать ложиться».

– У врача были?

– Были, у невропатолога.

– И что?

– Да ничего. Выписали какие-то антидепрессанты, говорят, для снятия агрессивного состояния и психоза, ещё витамины. Назначали электропроцедуры, но она не идёт... Диазепам, это от чего? – вдруг спросил Иван.

– Диазепам? Транквилизатор, от неврозов и бессонницы, – вспомнил я.

– Врач сказал, чтобы мы обеспечили ей полный покой... Да у нас и так с этим всё нормально. Отец – человек не злой, даже добродушный, да и я, вроде, никого не раздражаю... А от таблеток, я вижу, толку никакого.

Я молчал, раздумывая над словами Ивана, но понимал, что он не просто так рассказал о болезни матери, а ждёт от меня совета или помощи.

Иван, как и многие в институте, знали о моих паранормальных способностях, о том, что я могу легко снять головную или зубную боль и обладаю даром гипноза. Шила в мешке не утаить, и слухи о какой-то незначительной помощи в виде вылеченной головы быстро распространялись по институту. Тем более, об этом знали мои товарищи, с которыми я поддерживал более близкие отношения. А как утаить было, например, моё вынужденное сотрудничество с правоохранительными органами, если отец нашей сокурсницы Лены, занимал должность начальником УГРО? Тогда я помог им раскрыть два преступления, которые считались безнадежными, на их языке «глухарями⁸ или висьяками⁹». Одно было связано с фальшивомонетчеством,

---

⁷ МБА – межбиблиотечный абонемент.

⁸ Глухарь – убийство, которое остаётся нераскрытым в силу невозможности раскрытий.

второе с загадочной пропажей кассира и бухгалтера после того, как они получили значительную сумму денег в банке для выдачи зарплаты рабочим. Я помню, как отец Лены, полковник милиции и начальник УГРО, скептически настроенный ко всякого рода параявлениям, про которые только начинали писать в журналах и говорить, сказал: «Про экстрасенсов я слышал, но не думал, что это серьёзно. Недоумеваю, как возможно увидеть то, чего увидеть нельзя»...

– Вань, – сказал я, – понятно, что здесь одними таблетками делу не поможешь. Депрессанты – средство хорошее, и они в какой-то степени помогают, но это лечение следствия, а не причины. А причина, очевидно, сидит глубоко, так что до неё таблетками не доберёшься.

– И что делать? – безнадежно произнёс Иван.

– Давай так, – решил я. – Ты подготовь Сергея Николаевича, а особенно Тамару Петровну к тому, чтобы они отнеслись ко мне серьёзно, как к человеку, который действительно может помочь. Это важно, потому что в этом деле мне нужно их абсолютное доверие. В конце концов, расскажи про генеральскую дочку, которую я смог вылечить. Там, кстати, была похожая история.

Иван знал эту историю. Я, будучи ещё подростком, избавил девушку от психологической травмы рождения, введя её в особое состояние сознания. Её мать рассказала, что при рождении пуповина обвила шею ребёнка и вызвала удушье. Не могло быть сомнений, что это и стало причиной её психического расстройства. Разумеется, что никакие традиционные средства не могли помочь девушке, несмотря на почти неограниченные возможности отца.

В изменённом состоянии ей пришлось перенести тяжёлые минуты, связанные с появлением на свет, и она за это время пережила и муки удушья, и страх смерти, и рождение. Но это высвободило все её отрицательные эмоции из подсознания...

В ближайшее воскресенье с утра я пошёл к Карюкам. С проходной общежития позвонил Ивану на их телефон, трубку взял Сергей Николаевич, но как-то нервно передал Ивану, которого я предупредил о своём приходе, и тот ждал меня у подъезда.

– Всё нормально, – весело сказал Иван. – Отец не возражает, хотя и сомневается... Я рассказал про девочку, которую ты вылечил. В общем, он хоть человек и старой закалки, и член партии, но не возражает.

– Ладно, сомневается или нет, неважно, – усмехнулся я, – главное, чтобы не мешал.

– Мать отнеслась ко всему равнодушно, но она намучилась и готова на всё, лишь бы избавиться от мигрени.

– Вань, ты не особенно радуйся. Я ничего не могу обещать. Одно дело – просто головная боль, другое – мигрень со всеми сопутствующими симптомами. Я попробую. По крайней мере, думаю, хуже не будет...

---

⁹ Висяк – любое не раскрытое преступление, кроме убийства.

Глава 6

Причина болезни. Метод глубокой медитации или особое состояние сознания. «Манипуляции», которые не приемлет Сергей Николаевич. Процесс лечения. Странные ощущения, которые пережила больная. События и травма многолетней давности. Выздоровление.

Тамара Петровна сидела на диване, находилась в подавленном состоянии, и то, что она больна и измучена болью, говорила разорванная в нескольких местах лишённая яркости аура¹⁰. Свечение вокруг её головы сжалось до таких размеров, что было едва заметно. Обычно я вижу это эфирное сияние или то, что называют аурой, размером в несколько сантиметров или больше, но здесь присутствовала явная патология, да и тёмно-красные цвета, плясавшие в серо-голубоватом поле в лобной части, говорили о головной боли, которую сейчас испытывает женщина. Это тонкое эфирное свечение, окружающее человека, экстрасенсы видят по-разному. Для кого-то это просто бледное или серо-голубое свечение, а для кого-то – разноцветный вихрь с провалами и тёмными сгустками. Но всё это зависит от эмоционального состояния и способностей самого экстрасенса. Я, например, всегда видел ауру разноцветной...

Мне не составляло большого труда снять мучившую Тамару Петровну боль. И хотя это могло принести ей облегчение лишь кратковременное, она заметно ожила, глаза приобрели осмысленное выражение.

– Как часто у вас бывают приступы? – мне нужна была хотя бы общая информация о болезни матери Ивана.

– Раньше как-то обходилось. Ну, поболит иногда голова и проходит. А последнюю неделю каждый день... Я же не могу работать. Меня всё раздражает, даже запахи; тошнит и кружится голова.

Говорила она медленно и словно сквозь зубы, наверно, боясь повторения мучительного недуга.

– Это наследственное? Из родителей кто-то страдал от мигрени?

– Я такого не помню... По-моему, нет.

– Ну, это уже хорошо. То есть, ваша болезнь приобретённая, а значит, её причины лежат где-то в прошлом.

Это давало мне шанс справиться с болезнью Тамары Петровны, введя её в глубокую медитацию, найдя причину в подсознании, и перепрограммировать то, что привело к сбою или разрушению какого-то механизма.

– Тамара Петровна, я введу вас в особое состояние сознания, – сказал я, – и мы вместе с вами попробуем заглянуть туда, где мог произойти сбой.

– Это что, гипноз? – спросил Сергей Николаевич.

– Нет. Это немного другое.

Я видел скептическое выражение лица Ванькиного отца и добавил:

– Учёные тоже признают этот метод, хотя они не верят, что это часто единственный способ, который может помочь при лечении нервных расстройств. Но ведь лекарства в этом случае почти не улучшают самочувствие, – попробовал я объяснить смысл попытки моего лечения и попросил:

– Сергей Николаевич, нужно убрать всё, что может мне мешать. Нужно отключить телефон, радио, закрыть окна, чтобы даже небольшой шум не проникал в комнату, закрыть плотно шторы, чтобы не проникал дневной свет. Хорошо бы включить торшер.

---

¹⁰ Аура – энергетическое поле человека, т.е. биополе или пси-поле.

– А зачем тогда шторы задвигать? – Сергей Николаевич всё ещё воспринимал мои действия как какую-то клоунату, и ирония явно проскальзывала в его словах.

– Яркий дневной свет раздражает и мешает сосредоточиться, – отмахнулся я от Ванькиного отца и не стал вдаваться в долгие объяснения, потому что мой мозг начал непроизвольно настраиваться на другую частоту, и моё восприятие пространства и времени приобретало иную форму. В таких случаях мне становится трудно сконцентрировать внимание на обычных формах.

– Вы можете переодеться в спортивный костюм? – спросил я Тамару Петровну.

Она растерянно посмотрела на мужа.

– Мам, надень мой.

– Да я в нём утону, – Тамара Петровна вяло улыбнулась.

– Да ничего страшного. Главное, что вас ничего не будет стеснять, – успокоил я Тамару Петровну, и она пошла переодеваться в Ванькину комнату. Вышла она смущенная и, видно, чувствовала себя неловко перед чужим человеком в одежде не по фигуре. Невысокого роста и худощавая она в Ванькином костюме выглядела немного нелепо: и брюки и рукава футболки пришлось подвернуть, да и всё это висело на ней как на вешалке.

У Ивана был магнитофон, и я попросил поставить бобину со спокойной музыкой.

– Блюзы подойдут? – спросил Иван, перебирая бобины¹¹ с записями.

– Вполне, – согласился я.

Сергея Николаевича и Ивана я предупредил, чтобы они соблюдали полную тишину, а ещё лучше, чтобы часок или больше посидели на кухне.

Когда всё было готово: шторы задёрнуты, от торшера в углу исходил неяркий рассеянный свет, а магнитофон настроен на тихую приятную мелодию блюза, Сергей Николаевич с Иваном ушли на кухню, оставив нас с Тамарой Петровной в комнате, теперь полностью располагавшей к сеансу. Я попросил Тамару Петровну лечь на диван, по мере возможности расслабиться и начал сеанс.

– Не настраивайтесь на какое-то из своих переживаний, – предупредил я. – Они возникнут сами. В том сознании, в котором вы сейчас окажетесь, ваш организм выберет то, что нужно... Теперь закройте глаза. Сделайте глубокий вдох и начните считать от десяти до одного, то есть, в обратном порядке. Когда вы погрузитесь в нужное мне состояние, вы не потеряете связь со мной. Я рядом и всё контролирую... Теперь дышите... Глубже... Начинайте считать. Вслух. Медленно... Настраивайтесь на музыку и дышите, регулируя своё дыхание.

Она стала считать. На цифре семь она перестала контролировать своё тело, проваливаясь в глубину нужного мне состояния.

– Сейчас у вас появятся приятные ощущения, – тихо и монотонно говорил я. – Но начинайте уходить дальше, в глубь вашего сознания... Могут появиться различные образы. Они могут показаться необычными, как иногда во сне. Не пугайтесь... Через некоторое время вас может остановить что-то, что явилось причиной головных болей. Это может быть что-то очень неприятное. Не бойтесь ничего, я рядом. Я возьму вас за руку, и страх уйдёт.

Лицо Тамары Петровны постоянно менялось: она хмурилась или улыбалась, но это оставалось в пределах обычных и не ярко выраженных эмоций, и у меня не вызывало беспокойства. Но вдруг она заволновалась. Лицо её исказила гримаса страха, в руках и ногах появились судороги. Я взял Тамару Петровну за руку. Она постепенно успокоилась, но, когда я убрал руку, выражение страха снова появилось на её лице, и снова судороги пробежали по телу. Я снова взял её руку, рука была совершенно холодной, и я пытался согреть её, изменял ритм

---

¹¹ **Бобина** (от фр. bobine – катушка) – катушка, на которую наматывалась магнитная лента с звукозаписью во время катушечных магнитофонов.

дыхания, пассаами усмирял вновь возникавшую головную боль, которую я определял по изменению биополя вокруг головы.

Не знаю, сколько времени прошло, но в какой-то момент Тамара Петровна вдруг снова успокоилась, её дыхание стало ровным, а на лице появилась счастливая улыбка. Аура менялась на глазах. Посветлели тёмно-красные сгустки вокруг головы, пульсация ауры приобрела ритмичность, и свечение стало ярче. Разрывы ещё оставались, но это меня уже не беспокоило, потому что я видел, что механизм заживления организма запущен...

Теперь мне хотелось узнать, что чувствовала и переживала Тамара Петровна, открыв своё подсознание. Но если её рассказ интересовал меня как лишнее доказательство действенности пси-метода, способного произвести перенастройку всего организма и перестроить внутренние программы, то для Сергея Николаевича это стало шоком, потому что шло вразрез с его мировоззрением и представлениями о том разумном пределе, которое сложилось в его голове. Иван же принял всё это без особых эмоций и просто радовался за мать. В конце концов, он, как и я, был из другого поколения, поколения шестидесятых годов, а это поколение уже отличалось более гибким сознанием.

Сергей Николаевич отказывался глазам своим верить от разительной перемены в поведении и облике Тамары Петровны. Действительно, она существенно отличалась от той собой, которую я увидел, когда вошел в их квартиру. Она ожила, и даже лёгкий румянец играл на щеках.

– Вы знаете, – с робкой улыбкой сказала Тамара Петровна, – я в первый раз увидела, как светятся предметы. Я ведь не спала, я осознавала себя, хотя не понимала, где я. Вроде где-то в другом мире. Открыла глаза и увидела, что рука Володи светится. И цвет в горшочке на комодке светился, только по-другому. И моя рука тоже светилась.

– С чего-то вдруг она засветилась? – засмеялся Сергей Николаевич.

– А ваша жена находилась в другом психическом состоянии. Это другая среда. Даже современная наука не может пока объяснить, что это такое.

– Мистика какая-то, – пожал плечами Сергей Николаевич.

– Да ну тебя, пап, – отмахнулся от отца Иван. — Рассказывай, мам.

– Я не заметила, когда то ли уснула, то ли впала в забытьё, но я испытывала покой, мне было хорошо и хотелось, чтобы это не кончалось. Я чувствовала себя частицей чего-то общего, а меня самой вроде как не стало... Но потом, – Тамара Петровна тяжело вздохнула, – я оказалась на утёсе, с которого все прыгали в море, а я боялась, потому что высоко. Но меня кто-то толкнул – я полетела вниз и чуть не зацепила основание скалы у воды, которое было шире, поэтому при прыжке нужно сильно оттолкнуться. Я в ужасе летела в воду, плюхнулась всем телом, ударилась головой обо что-то на дне. Не сильно, но всё же еле выплыла. Хотела очнуться, но снова и снова оказывалась на скале и падала. Хотела распрямиться и опять падала... А падала всё время плашмя, сильно ударяясь о воду и тонула. И каждый раз с трудом выплывала... Так всё повторялось и повторялось, пока я не ощутила тепло от Володиной руки. Я успокоилась, но снова оказалась на скале, только на этот раз прыгнула, сильно оттолкнувшись, выпрямилась в воздухе и как-то плавно вошла в воду. И в этот раз я не достала дна и знала, что оно где-то глубоко подо мной, легко вынырнула и медленно поплыла, радуясь, что мне хорошо, что я живу... Я даже любовалась игрой лучей солнца на морской поверхности...

Тамара Петровна вдруг замолчала, передёрнула плечами как от озноба и, посмотрев на меня, сказала:

– Но второй раз я бы такого не пережила.

Это прозвучало категорически, хотя я, конечно, не собирался повторять с ней этот опыт, похожий на экзекуцию.

– Я же по-настоящему ощущала весь ужас того, что со мной происходило. Это было всё так, как тогда. А я – та девочка, которая падала со скалы... Но зато потом, когда я плыла в море, мне было так легко, – закончила она, и улыбка снова осветила её лицо.

– Вы вернулись к воспоминаниям события, которое стало причиной вашей болезни, и повторив всё много раз, освободились от этого неприятного и разрушающего чувства.

– Ну, ты говорила, что в девушках, когда жила с дедом и бабушкой в деревне в Крыму, упала со скалы? Но это было давно, и я никак не думал, что твоя голова болит от этого, – удивился Сергей Николаевич. – Так что, голова не болит?

Сергей Николаевич повернулся ко мне. Тамара Петровна с Иваном тоже смотрели на меня.

– Не всё так просто, – разочаровал я их. – Может быть, еще и поболит когда, но это будет реже, скорее всего обойдётся без сильной боли, а со временем, я думаю, совсем пройдёт... Вам бы, Тамара Петровна, теперь хорошо походить на общеукрепляющие процедуры. Это ускорит полное выздоровление...

Прошли дни, недели, и перемены, которые произошли с Тамарой Петровной, стали ощущимы. Отступил недуг, с которым безуспешно боролись всеми доступными средствами, а после физиотерапевтических процедур Тамара Петровна отказалась от лекарств и чувствовала себя хорошо.

Врачи приписывали выздоровление лекарствам и курсу физиотерапии, и это так их вдохновило, что главврач поликлиники даже делал доклад по «новому» методу излечения мигрени. Врачей никто не разуверял, а с Тамары Петровны, Сергея Николаевича и Ивана я взял слово никому о моём сеансе введения в состояние, где действуют другие временные потоки, не говорить, потому что, по мнению учёных, все парапсихологические экспериментальные данные являлись обманом. И это естественно, ведь природа практически всех парапсихологических феноменов неизвестна, а традиционная наука имеет дело с вещами материальными.

Глава 7

Хлебосольное угощение у Карюков. Степан Захарович. Конфликт с Корякиным. Откровенный разговор. Хрущёв и рабочие. Бунт на электровагонном заводе. Убитые и раненые. «По просьбе трудящихся». Гибель сына и смерть жены. Тюрьма и ссылка. Подальше от и страшных мест.

Степан мне был интересен. Я видел неординарность этого человека, предполагал нелегкую судьбу его, и мне хотелось узнать тайну, которая пряталась за угрюмостью и немногословностью в общении. Его мало что интересовало в обыденной жизни: он не ходил в кино, а тем более, в театр, и всякому общению предпочитал книгу из районной библиотеки, где считался активным и постоянным читателем. Он не пил в негативном смысле этого слова, то есть не был пьяницей, таким как Колян или некоторые рабочие из общежития, которые устраивали шумную гульбу чуть не каждый день, не позволял себе лишнего, тем более, в дни будние, рабочие, но оживлялся, если выпадал случай посидеть за бутылкой и закуской в дни праздничные или иногда выходные. Известно было, что он сидел, это угадывалось по жаргону, которым он, впрочем, не злоупотреблял, и обычно разговаривал на вполне литературном языке; у него отсутствовали наколки, характерные для сидельцев из преступного мира; по крайней мере, ни орлов, несущих в когтях голых женщин, ни куполов с крестами я на Степане не видел, если не считать скромную наколку «Вера» на пальцах левой руки, да якорь на тыльной стороне ладони...

В один из выходных я гостил у Карюков. Зашел к Ивану на минутку, но родители оказались дома и непустили меня без обеда. А стол, как я ни протестовал, собрали как на Первомайский праздник, выложив, кажется, всё съестное, что имелось в доме и, может быть, припасалось к какому-нибудь торжеству: копчёный палтус и даже красная кетовая икра, а кроме того селёдка с варёной картошкой, огурцы, помидоры, котлеты и традиционные пельмени, без которых, я уже понял, не обходилась здесь ни одна уважающая себя семья. Сергей Николаевич поставил на стол и графинчик с водкой, перелив её из бутылки, стоявшей в холодильнике, так что стенки его сразу заохлодели и покрылись матовым налетом пота. Сидели долго, хотя выпили всего по две рюмки: до водки никто не был охоч, но разомлели и разговорились. Сергей Николаевич стал рассказывать о своей военной жизни, мне пришлось отвечать на вопросы о моих родителях, что я делать не любил и отвечал неохотно. Мне всегда трудно было говорить об отце, которого уже несколько лет как не стало, и почему-то неловко говорить о матери, которая снова вышла замуж хотя и за хорошего человека, но которого я не мог и не хотел принять вместо отца.

В конце концов, Иван вытащил меня на улицу, чтобы пойти в компанию его друзей, но память об отце разбередила мою душу, я вспомнил мать, а потом Милу и нашу последнюю встречу, на которой сам оттолкнул её, дав понять безнадёжность наших отношений, и тоска охватила меня и сжала сердце.

Я отговорился, соврав про разговор с матерью по телефону из общежития, и сославшись на другие дела, которых у меня на самом деле не было, пошел в общежитие...

День клонился к вечеру, и зная, что в это время в комнате я застану одного Степана, потому что обычно все расходятся кто куда, гуляют допоздна и собираются ближе к ночи, купил бутылку водки и кое-какую закуску.

Степан лежал на кровати и читал Брет Гарта, что меня удивило: хотя Степан и читал всё подряд, но чаще детективы. Однако в комнате он был не один: Корякин в майке и трусах подстригал ногти, задрав ногу на стол.

Я не сдержался и раздражённо сказал:

– Мы за этим столом едим.

– Ну и что? – не понял Корякин.

– А то, что ноги класть на стол – свинство!

– Ну-ну, ты полегче! – зло бросил Корякин. – А то можно и схлопотать.

– Я тебе схлопочу! – Степан отложил книгу. – Это я не заметил, а то бы ты у меня сам схлопотал... Ну-ка канай на своё место. Здесь тебе не колхоз и не свиноферма.

Корякин, ни слова не говоря, пошел к своей кровати. Лицо его выражало недовольство, но перечить Степану он не мог и, видно, его боялся. Он достриг ногти в своём углу, надел свои всегда мятые брюки, рубаху в цветочек, тщательно причесал рыжий чуб перед круглым карманным зеркальцем и ушел, оставив нас со Степаном вдвоём.

– Не любите Корякина, Степан Захарыч? – усмехнулся я.

– Деревня. Самый зловредный элемент. Всегда всё под себя гребут, и всегда им мало. Для коллектива люди бесполезные, потому что каждый за себя.

– Так при Сталине они так обнищали, что сапог купить не могли, в лаптях ходили. Он же их гнобил по чем зря. Им, бедным, даже паспорта не выдавали.

– Вот за это и гнобил, – угрюмо буркнул Степан. – Хотя сволочью был тоже порядочной.

Степан попытался вновь уткнуться в книгу, и я видел, что его самого смутило противоречие этой незамысловатой философии. С одной стороны, он, вроде как, солидарен с товарищем Сталиным в оценке крестьянства, но с другой, Сталина не приемлет.

– Степан Захарыч, может, посидим чуть, да по рюмочке, – предложил я, вытаскивая из спортивной сумки, с которой обычно ходил, бутылку белоголовки, колбасу, купленную в коопторге, и хлеб.

Степан отложил книгу, загнув уголок листа, сел на кровати, изучил меня тяжелым взглядом и сказал:

– Ну, что ж, можно.

Мы сели за стол. Я нарезали колбасу и хлеб, налил по чуть в гранёные стаканы, которые служили нам и для чая, и мы, чокнувшись, выпили.

– Я видел, вы Брет Гарта читаете? – поинтересовался я, прожевав кусок хлеба с колбасой. – Нравится?

– Сильный писатель. Схож с Джеком Лондоном. Тот тоже про золотоискателей и бродяг писал... Сам-то ты читал?

– Читал. Мне нравится и тот, и другой, – согласился я. – Считается, что Джек Лондон больше реалист, а Брет Гарт – романтик. Но оба изображали людей вольнолюбивых и бескорыстных.

– А я что говорю? – подхватил Степан. – Нет у них жлобства. Просто жизнь их беспроблемная... Ведь это надо. Жили, казалось бы, закоренелые преступники, то есть самые отпетые, и среди них оказалась одна женщина, тоже порочная, тоже в грехах. Родила, не известно от кого, ребёнка, мальчика, и умерла. В книге и написано: «Смерть считалась здесь делом обычным, а вот рождение было в новинку». И весь стан этих людей усыновил ребёнка... И народ начал меняться. Хижину, где жил ребёнок, почистили, побелили, повесили занавески, сами стали чище одеваться, мыться, перестали ругаться матом и даже возле хижины ребёнка старались говорить шёпотом¹².

– Вот только конец хреновый: ребёнок утонул, – мрачно заключил Степан. – И что теперь с ними со всеми будет, неизвестно.

– Человеку нужна вера, стимул, – рассказ ведь кончается словами про то, что взрослый и сильный человек, пытаясь спасти ребёнка, хватался за его хрупкое тело, как утопающий за соломинку...

---

¹² Фрэнсис Брет Гарт (1836 – 1902) – рассказ «Счастье Ревущего Стана»

– Это Кентукки. Его, всего побитого, нашли с ребёнком далеко от места их жилища... Когда он узнал, что ребёнок мёртв, тоже умер со словами, что теперь ему будет счастье. Ребёнок-то принёс им всем счастье.

– А спасение ребёнка было для него самого спасением от беспросветной жизни, в которой они все существовали... – подтвердил я. – Вот мы говорили про деревню, а вернее, про колхоз, где жизнь тоже была беспросветной. При Хрущеве всё же им полегче стало: снизили налоги, и деньги какие-никакие за трудодни платить стали.

– Да? – зло сощурил глаза Степан. – Не знаю, как там стало у колхозников, зато хорошо знаю, как было у рабочих.

– А как было? – осторожно спросил я Степана, вызывая на откровенность.

– Ты про Новочеркасское дело слышал?

– Слухи ходили. Говорили, рабочее восстание было, а для усмирения понадобились войска. Но в газетах об этом ничего не сообщали. И говорили об этом шёпотом.

– Кто ж про такое в газетах писать будет? – усмехнулся Степан. – А я сам в этой заварухе потерпевший, так что всё на моих глазах происходило... Ты, я заметил, парень не трепливый, с тобой можно говорить. Так вот, я расскажу, а ты слушай и на ус мотай.

Я видел, что ему нужно было излить душу, и он, носивший долгое время в себе эту ношу, хотел выговориться, почувствовав во мне человека, которому можно довериться, а я с не меньшим желанием и с большим любопытством хотел услышать его историю.

Степан налил водки себе и мне, мы выпили, закусили той же колбасой с ржаным хлебом, и зло сказал:

– Хрущ, собака, со своей кукурузой да целиной страну до ручки довёл...

Он смачно выругался, глаза его сузились и желваки заходили по скулам.

– Я работал на электровагонном заводе. Завод большой, двенадцать тыщ рабочих, представляешь?... До поры, до времени всё шло нормально. Зарплата не то чтобы большая, но прожить было можно. У меня жена, тоже на заводе работала, нормировщицей, и сынишка шестнадцати лет. В десятый класс ходил, хотел после школы в машиностроительный техникум поступать. Учился средне, но парень был золотой.

– Был? – вырвалось у меня.

– Ты слушай, – недовольно сказал Степан. – Был. Всё было.

Он чуть помолчал и продолжал:

– До Хруща цены хоть помалу, но снижались, а тут что ни год, то всё дорожает и дорожает, а в шестьдесят втором мясо, колбаса и масло подорожало сразу на треть. Ну, ладно, может, пояса потуже затянули, да и смирились бы, но наше начальство ко всему этому вдруг снижает норму выработки, и тоже на треть... И попробуй проживи на этих деньги! Так ведь ещё и в магазинах пусто, а как что-то появляется, – очереди на полкилометра. За картошкой с ночи становились. А рабочему человеку без мяса как? А детям без молока, да масла? Ну, ладно, зло брало, проклинали «кукурузника» на чём свет стоит, но что делать, против власти не попрёшь. Как говорится, «с сильным не борись, с властью не судись¹³». С другой стороны, из ста рублей зарплаты, за квартиру отдай двадцать, а то и двадцать пять рваных. И опять же, управленцы живут в сталинках, а рабочие в бараках. И надежды никакой, потому что в городе вообще жилых домов не строили.

– Двадцать пять рублей за комнату в бараке? – удивился я.

– Да нет, там поменьше, это те, кто снимал квартиру в частном секторе... Хотелось же по-человечески, сына растили...

Ну вот, сталелитейный цех пошел к заводууправлению требовать повышения расценок, а мы, рабочие других цехов, присоединились. Вышел директор. Кто-то спросил, а на что, мол,

---

¹³ Правильно: «С сильным не борись, с богатым не судись»

нам жить, а он и говорит, вроде в шутку, что, мол, будем вместе питаться пирожками с ливером. Это он увидел невдалеке торговку пирожками. Но всем было не до шуток, и люди возмутились... Вскоре на митинг вышел весь завод, потом стали подходить рабочие с других предприятий. Перекрыли железную дорогу и остановили ростовский поезд. Кто-то на паровозе мелом написал: «Хрущева – на мясо». Здесь, правда, воду мутить стали пьяные, из-за них чуть не убили главного инженера завода, но его как-то отбили.

К вечеру милиция и солдаты всех разогнали. А ночью появились войска и танки.

– Ничего себе, – воскликнул я. – До нас доходили слухи, но про танки мы как-то не верили.

– А ты как думал? Все, кто участвовал в подавлении, давали подписку, а нам, кто сидел, и до, и после отсидки грозили, чтобы мы поменьше трепали языками, да чтоб со своими прошлыми товарищами не встречались. Рассказывали, что одной школьнице, которая была случайно ранена, даже не разрешили доучиться в школе, чтобы она не смогла рассказать, откуда у неё взялась рана.

– И много было раненых?

– Если бы только раненые! Насколько я знаю, убитых, считай, человек тридцать, а, может, больше... И среди них мой Сашок.

Степан помрачнел и закрыл лицо руками, провел пальцами по глазам, то ли массируя, то ли вытирая слёзы, а потом сказал:

– А раненых уж точно не меньше сотни.

– А как же Ваш сын погиб? Почему он с вами оказался? – спросил я тихо.

Степан нервно налил немного водки в стакан, залпом выпил, поморщился, вытер губы ладонью, и, не закусив, ответил:

– Когда мы на следующий день от завода пошли к центру города, на площади было полно народу. Там и дети, и взрослые. Всем же было любопытно... Некоторые забастовщики пошли к милиции, чтобы освободить арестованных вечером, а мы собрались у горисполкома и горкома. Нас уговаривали разойтись, а потом вдруг стали стрелять в толпу. Но сначала пальнули в воздух, а на деревьях сидели мальчишки. Кто-то закричал: «Сволочи, детей постреляли». Началась паника... Стреляли-то не из винтовок, а из автоматов. Да мы все думали, что у солдат холостые патроны, и никто не верил, что будут стрелять боевыми... Крови было!.. Я сам видел, как пожилой мужик бежал, а потом словно споткнулся обо что-то, упал, а из головы мозги с кровью по асфальту... Возле продовольственного магазина лежала убитая продавщица. Видно, вышла посмотреть, да на пулю и нарвалась... Много мужики, с которыми сидел, рассказывали. Говорят, какой-то офицер, увидев вот так девочку в луже крови, застрелился...

Вечером по местному радио выступали Козлов с Микояном, объясняли про повышение цен, обещали, что повысят расценки и завезут продовольствие... Сказали, что зачинщиками были уголовники и хулиганы. Но какие они, на хрен, зачинщики!

– А самое поганое, – Степан зло усмехнулся, – они заявили, будто войска действовали по «просьбе трудящихся». Мол, трудящиеся обратились к властям за помощью, чтобы навели порядок... Это, значит, выходит, стреляли по людям «по просьбе трудящихся»...

А хоронили убитых ночью, тайно и в разных местах, я так понимаю, чтобы скрыть следы. Вот мы и не знаем, где кто лежит. Один лагерник вообще рассказывал, что их заставляли складывать трупы в подвале банка. Так он говорил, что трупы потом увезли и свалили в какую-то шахту.

– А как же вы узнали про сына, Сашу?

– А мы никак не узнали. После стрельбы приехали грузовые и санитарные машины и увезли убитых и раненых... Мы искали по больницам, думали, может, раненый лежит где. Кто-то сказал, что в поселковую больницу увезли мальчишку его возраста. Но оказалось не он. Там привезли действительно раненого парня, тоже шестнадцати лет, который скон-

чался вскоре... Представляешь, в городе его хоронить не разрешили. Видно, боялись новых демонстраций. Похоронили в станице недалеко от города, а мать с отцом предупредили, чтобы во время похорон не плакали и не причитали...

Кто-то из знакомых видел Сашку на площади, но толком мы ничего так и не узнали, и решили, что его убили... И я не знаю, где его закопали, так что даже могилы у него нет.

– А жена?

– Жена умерла. Меня вскоре забрали, и я писал ей, когда мог, отправлял открытки. Но от неё не получал никаких вестей. Узнал, что умерла, только после отсидки. Съездил, нашёл могилу. Похоронили её кое-как. Теперь хочу съездить, поставить хоть оградку, да какой памятник. Деньжат подкоплю и съезжу.

– А кто-нибудь из родственников у вас остался? – наконец спросил я.

– Нет, Володь, никого. Если бы хоть одна живая душа была, я, может быть, и вернулся, а так... – Степан безнадежно махнул рукой. – Жена моя была детдомовка. Отец и оба брата погибли на фронте, мать умерла рано. Надорвалась на работе, да и три похоронки получить – это, не дай Бог каждому. Так что остался здесь. Да я бы после всего этого всё равно жить там не смог.

– Посадили многих?

– А как ты думаешь? Многие. Семь человек расстреляли «за бандитизм». Многим дали по десять-двенадцать лет «за попытку свержения Советской власти». А какое «свержение»? Мы шли с портретами Ленина и красными знамёнами. Мы же были не против власти, а просто хотели справедливости. Но, как говорит пословица, «Где царь, тут и правда»... Некоторых посадили за злостное хулиганство... Мне повезло, дали два года и столько же испытательного срока. Наверно, я нигде не засветился, потому что в первую очередь брали тех, кто оказался на фотографиях, которые делали оперативники из КГБ... Брали по ночам, как в тридцать седьмом. Многие попали под фотоаппарат случайно, но всё равно загремели под раздачу. Сначала арестовывали тех, кто шел первыми, потом непонятно, за что. К примеру, утром второго числа люди шли на завод, и не все успели пройти, как ворота закрылись. Несколько человек, кто не успел пройти и остался за воротами, попали в неблагонадёжные.

– А как тебя сюда, на завод взяли? Ведь ты вроде как теперь тоже неблагонадёжный, – с горькой усмешкой сказал я.

– Так я ж не начальник какой. Я слесарь, работяга. Да здесь среди рабочих тоже есть бывшие зеки, которые ещё на стройке завода работали.

– Степан Захарыч, а как ты в Омск-то попал?

– После Новочеркасской тюрьмы многих отправили в Коми, в «Устимлаг», на лесоповал, да на прокладку узкоколейки. Я отбывал срок в колонии общего режима. После отсидки съездил на могилу жены, а потом решил уехать куда подальше... Встретил знакомого. Он ещё до этих событий сюда на стройку нефтезавода завербовался, да так и остался, хвалил: работы хорошие... и тихо. Ну, я и поехал. Знаешь, как говорится, «Не держи двора близ княжа двора¹⁴»... Здесь всё-таки есть наши, новочеркасские.

– А как дальше? Тяжело, наверно, в общежитии в твоём возрасте?

– Дальше видно будет. Может, ещё что и у меня сложится...

Он замолчал. Молчал и я, испытывая сочувствие и сострадая этому человеку, судьба к которому оказалась так немилостива, и со смятением души представлял тех других, кто также в одночасье потерял детей, родных и близких, и тех, по ком катком прокатилась безжалостная репрессивная машина за то, что они просто хотели иметь право на достойную жизнь, а у тех тысяч, которые вышли на площадь, надолго, если не навсегда, отняли веру в справедливость.

---

¹⁴ Полная поговорка: «Не держи двора близ княжа двора, не держи села близ княжа села»

Глава 8

Неприятность в доме Карюков. Пустяковое дело. Элементарный гипноз. Коротко о моральных принципах. Повестка в КГБ. Допрос с участием Зигмунда Фрейда, Карла Юнга и Вильгельма Райха. Спасибо Вольфу Мессингу. Генерал-майор Чепурин. Сомнения Чепурина насчёт экстрасенсов. «Вопрос экономической безопасности»

У Тамары Петровны дома потерялось золотое обручальное кольцо.

– Всё обыскали, как сквозь землю... Мать плачет, говорит, плохая примета, – жалел Иван мать.

Я Ивану посочувствовал, но и только, хотя Иван явно рассчитывал на мою помощь. Он, конечно, помнил, как ещё в студенческие годы я помог девушке найти кулон с цепочкой, когда мы копали огород на даче у одного нашего ленинградского приятеля.

Цепочку искали – не нашли, девушка редела, а мы с парнями сидели на скамейках возле дома, обсуждали неприятный случай и сочувствовали ей. Валентин, невысокий, тощий мальчик с вытянутым лицом и оттопыренными ушами беспокойно ёрзал на стуле, будто ему что-то мешало. Я сидел рядом, и в какой-то момент стал испытывать чувство смутной тревоги, которая беспокоила меня и раздражала. Слова, которые говорили мои товарищи, стали расплываться, в ушах появился знакомый звон и передо мной поплыла картинка. Медленно, как в рапидной съёмке,¹⁵ вышли из дома и прошли мы, пять парней. Я отметил, что шестого, Валентина, с нами не было. Прошли девушки, следом ещё одна, которая чуть отстала, и стала снимать, очевидно, цепочку, потому что делала какие-то движения руками на шее. Она положила цепочку во внутренний карман курточки. Я не видел, чтобы что-то упало, но следом из дома вышел задержавшийся там Валентин и вдруг остановился, словно наткнулся на препятствие, оглянулся, что-то поднял с земли и сунул в карман пиджака.

С минуту я сидел в оцепенении, приходя в себя. Потом мы с Карюком отвели парня в сторону, и он признался, что действительно поднял цепочку, сразу не отдал, а потом не знал, как выйти из этого щекотливого положения. Он каялся, чуть не плакал, и мы с Карюком не стали позорить парня, а подбросили кулон чуть в сторону от дорожки, вроде кто-то нечаянно зацепил его ногой...

На этот раз я куда-то торопился или чем-то был занят и как-то не прореагировал на Ванькины причитания.

– Ты же можешь, Володь, – не отставал Иван и напрямую попросил: – Помоги поискать своими методами, как ты это делаешь.

– Ладно, – согласился я. – Только не сегодня.

На следующий день вечером я пошёл к Карюкам. Все были дома, и я, не теряя времени на лишние разговоры, без предисловий спросил Тамару Петровну, точно ли кольцо дома, и если снимала, то куда хотя бы приблизительно могла положить?

– Представления не имею, – пожала плечами Тамара Петровна.

– Если свалилось с пальца в ванне, то искать бесполезно: унесло в канализацию...

– Нет, когда я в ванной, кольцо снимаю. И на этот раз точно помню, что сняла. Но я не помню, как надевала потом, и куда могла положить.

– Ну, понятно, – сказал я. – Тогда – все тихо, а лучше уйдите на кухню.

Сергей Николаевич с Ванькой послушно ушли на кухню.

Дело я посчитал не сложным, и не было смысла изводить себя, вводя Тамару Петровну в состояние изменённого сознания, после чего я чувствую себя разбитым, наступает слабость

---

¹⁵ **Рапид** – а; м. [от франц. Rapide – быстрый] – Приём, способ киносъёмки, позволяющий воспроизводить на экране быстротекающие процессы в замедленном темпе.

до тошноты, а потом апатия. Это, как правило, скоро проходит, но ощущение дискомфорта остаётся надолго.

Я просто ввёл Ванькину мать в гипноз и попросил вспомнить все действия с момента, когда она в ванной сняла кольцо. Тамара Петровна медленно стала рассказывать всё, что она делала, а я задавал наводящие вопросы.

- Вы сейчас в ванной. Что вы делаете с кольцом?
- Я снимаю его... кладу на полочку зеркала над раковиной.
- Вы приняли ванну, что делаете дальше?
- Мажу кремом лицо.
- Кольцо на месте?
- Его там нет.
- Что дальше?
- Выхожу из ванной комнаты.
- Кольцо у вас на пальце?
- Нет.

Я вывел Тамару Петровну из состояния гипноза, позвал Сергея Николаевича и Ваньку и попросил открутить в ванной сифон под раковиной.

- Скорее всего, кольцо в отстойнике сифона, – сказал я.

Кольцо действительно свалилось с полки и провалилось в сифон, где его и нашли.

– Вообще-то, можно было догадаться, – попенял я Ивану и усмехнулся про себя, подумав, что сам тоже мог бы догадаться, и тогда не потребовалось бы никакого гипноза...

– Так мать была уверена, что, как всегда, кольцо после ванны надела, – оправдывался Иван. – А раз его не оказалось на месте, ну, на полочке, она и забыла о нём...

Не стоит говорить о том, что Ванькина мать готова была расцеловать меня и расцеловала бы, но, наверно, её остановил мой серьёзный и немного ироничный вид, что со мной бывает и что часто отталкивает людей, хотя глаза её выражали полную и искреннюю признательность...

Когда Сергей Николаевич узнал, что я вводил Тамару Петровну в состояния гипноза, он удивлённо сказал:

- Странно. А я думал, что у гипнотизёра должна быть какая-то другая внешность.
- Цыганская? Чёрные глаза, орлиный или пронзительный взгляд? – улыбнулся я.
- Ну, да, что-то вроде этого, – согласился Сергей Николаевич.

– Я Вас, Сергей Николаевич, разочарую. У многих сильных гипнотизеров – совершенно заурядная внешность.

– И что, вы вот так можете загипнотизировать любого? – в голосе Сергея Николаевича слышалось сомнение.

– Вообще-то, да! Просто некоторым требуется больше времени, чтобы войти в это состояние.

- А что будет, если человек так и останется под гипнозом?

– А он под гипнозом не останется, – заверил я. – Даже, если его не разгипнотизировать, он проснётся сам или уснёт обычным сном, а потом проснётся в нормальном состоянии.

И вдруг Сергей Николаевич задал вопрос, который всегда не давал покоя известным органам, с которыми мне волей-неволей приходилось сталкиваться:

- Так это ты можешь так и сберкассу ограбить или ещё чего натворить?

Вопрос прозвучал вроде в шутку, но я счёл за разумное развеять эту нелепую мысль.

– В большей степени это зависит от моральных качеств самого гипнотизёра, – я вспомнил редкую книгу Вильгельма Фельдмана «Нужен ли нам гипноз?» издательства 1932 года¹⁶,

---

¹⁶ В. Фельдман писал: «Наукой вполне конкретно и достоверно доказано, что внушение в гипнотическом сне преступ-

хотя не совсем был согласен в его выводами. – Но, с другой стороны, не каждого под гипнозом можно заставить пойти на преступление. Если у человека преступные наклонности есть, то, может быть, он и подчинится приказу, но скорее всего не выполнит то, что против его убеждений... Нельзя приказать человеку убить кого-то или ограбить, если он уверен, что этого делать нельзя. Это блокирует его сознание. И потом, под гипнозом у человека всё же остаётся какая-то воля... А ещё есть инстинкт самосохранения. По крайней мере, эксперименты не доказывают «преступность» гипноза.

Кажется, это успокоило Сергея Николаевича и удовлетворило его любопытство...

Я вспомнил этот не стоящий большого внимания случай только потому, что он предшествовал следующему, выбившему меня из колеи, событию.

На моё имя пришла повестка из КГБ. Повестку мне передала комендантша. Она её немедленно изъяла из почты. Когда я шел с работы, вахтерша тётя Клава с заговорческим видом и испуганными лицом, шёпотом, посмотрев по сторонам, сказала, чтобы я скорее шел в комнату комендантши Валентины Васильевны.

– А что случилось-то? – не удержался я от вопроса.

– Иди-иди, – махнула рукой тётя Клава.

Я пожал плечами и пошел к комендантше.

– Тебе повестка в КГБ. – с порога выпалила Валентина Васильевна. – Ты чего натворил?

Комендантша была не так напугана, как тётя Клава, но в голосе её ощущалась напряжённость, а ещё больше её одолевало любопытство.

– Представления не имею, – ответил я. И это была правда. Я действительно недоумевал, зачем я вдруг понадобился КГБ.

– Ладно, придёшь, расскажешь, – приказала Валентина Васильевна и отпустила меня с миром.

На следующий день я показал повестку прорабу Александру Борисовичу, и тот, посмотрев на меня, как мне показалось, с сочувствием, тоже не преминул поинтересоваться, по какому поводу повестка, на что я честно повторил, что не знаю.

Подходя к «Серому дому¹⁷» я нервничал.

Внушительное четырёхэтажное здание, фасад которого украшали колонны, действительно было серого цвета. Не без трепета я вошел в здание и показал повестку дежурному офицеру. Тот повертел повестку в руках, позвонил кому-то, бросил короткое: «Ждите!», и я скромно стоял возле его застеклённой будки и смиренно ждал. Вскоре показался другой офицер, старший лейтенант, спросил: «Кто по повестке?» и повел меня на второй этаж почти в конец коридора. В небольшой комнате, обставленной аскетически, то есть, кроме одностумбового письменного стола и шкафа с бумагами, у стола стоял простой стул, да пара таких же стульев – у стены. Старший лейтенант предложил сесть, проверил паспорт и металлическим голосом спросил:

– Вы читаете запрещенную литературу. С какой целью?

– Какую литературу вы имеете ввиду? – не понял я.

– Вы знаете какую, – в голосе офицера появилась ирония. – Вы читаете Фрейд – он посмотрел в листок бумаги – Карла Юнга и Вильгельма Райха.

– А разве это запрещено? – удивился я.

– Эти, с позволения сказать, писатели, несут буржуазную лженауку. Что может дать советскому человеку, например, – он снова посмотрел в листок – «Психология сексуальности». Это ваш Фрейд... Секс – это у них там. Вот пусть они этим и занимаются.

ления (настоящего, не экспериментального) – чрезвычайная редкость; по крайней мере до сих пор всей мировой криминалистикой не зарегистрирован ни один достоверный случай преступления под гипнозом».

¹⁷ Так омиичи называли здание КГБ на ул. Ленина в г. Омске.

– Фрейд – не мой, – возразил я. – И при чём тут секс? Юнг – создал аналитическую психологию, Райх – основатель психоанализа... Меня не интересует тема сексуальности, даже если она психология. Меня интересует психика с точки зрения возможности лечения психических или других расстройств энергией рук или с помощью введения в особое состояние сознания.

– А вы что, врач? Вы-то какое имеете отношение к лечению? И какое такое особое состояние?

– У меня есть некоторые эзотерические способности, то есть возможности особого восприятия.

– Это что? – насторожился старший лейтенант.

– Ну, я могу видеть то, что бывает недоступно другим, могу снимать руками какую-то боль, обладаю гипнозом.

– Инте-рес-но. С такими способностями и на свободе, – с иронией проговорил мой дознаватель, не поверив ни одному слову.

Я достал из кармана сложенный вчетверо листок текста «Вступительного слова» Вольфа Григорьевича Мессинга с его, как он сказал тогда, «индугенцией», «защитой от ретивых и глупых», и подал старшему лейтенанту. Поверх листка было начертано рукой профессора магии: «Моему юному другу Володе Анохину в знак восхищения его необыкновенными способностям, которые, однако, являются полностью научно и материалистически объяснимыми. Вольф Мессинг»

Старший лейтенант долго изучал написанные довольно корявым и не очень разборчивым почерком Мессинга слова, недоверчиво посмотрел на меня и проговорил:

– Вольф Мессинг... Это тот?

– Да, тот, – заверил я.

– И что мне с этим делать?

Старший лейтенант был озадачен, и я решил расставить точки над «и».

– Я несколько лет назад сумел помочь начальнику вашей организации, генерал-майору Л. в своем городе. У меня есть грамоты. Да вам нетрудно созвониться и проверить. Там, я уверен, подтвердят. Это, конечно, если вы будете разговаривать с самим генералом... Но вопрос щепетильный и носит характер личный.

Старший лейтенант мялся, менялся в лице и усиленно думал, что ему предпринять. Наконец он попросил меня подождать немного и быстро вышел, прихватив с собой мою «индугенцию». Тон его при этом был более мирный, чем в начале разговора.

Ждал я долго, пока, наконец, старший лейтенант появился.

– Вас хочет видеть зам начальника генерал-майор Чепурин, – сказал он. – Извините, пока доложили, пока генерал освободился. Сами понимаете, дела...

Генерал выглядел строго. Был он сухопарый и подтянутый, и мундир сидел на нём ладно. Китель украшали два академических ромбика, а также два ордена и две планки медалей.

Кабинет его почти не отличался от того, где меня принимал начальник управления в моём городе: огромный двухтумбовый стол с приставленными к нему буквой «Т» простыми столами, стулья, шкафы с томами Ленина и другими книгами, небольшой столик типа журнального с двумя креслами в углу, диван и, конечно, портреты Дзержинского и Брежнева, а на тумбочке, обтянутой красным кумачом, бюст Ленина.

Генерал предложил мне сесть.

– Вы нас, Владимир Юрьевич, заинтриговали. Мы связались с начальником управления вашего города. Иван Фёдорович дал Вам хорошую характеристику. Мы с ним старые знакомые. Встречаемся на совещаниях в Москве... Чем вы там ему помогли, не сказал, но посоветовал не упустить возможность использовать ваши какие-то особые способности. Мы также знаем, что вы в своё время оказались полезным ещё и уголовному розыску. Так?

– В чём-то помог, – не стал я скромничать.

– Да нет, они говорят, что без вас не раскрыли бы два серьёзных дела... Так что это за необыкновенные способности, о которых говорит Мессинг?

– Ну, уж необыкновенные! – возразил я. – Сейчас много пишут о парапсихологических способностях человека. Вот что-то вроде этого и я.

– И что конкретно вы можете?

– Ну, могу, например, ввести в состояние гипноза вас, – сказал я нагло.

– Сомневаюсь, – усмехнулся генерал.

Моментально, почти бессознательно мой мозг отреагировал на сигнал включения механизма, который позволил бы мне погрузить сидящего передо мной человека в транс привычно и безошибочно воздействуя на его подсознание. Искушение было велико, но я удержался, справедливо сообразив, что здесь не то место, где можно проводить такие эксперименты. Поэтому я просто промолчал.

– Но если вы владеете способностью введения в гипноз, то можете представлять определённую опасность для общества, – глаза генерала смотрели на меня строго и пытливо.

– Мессинг владел способностью гипноза, но ни разу не воспользовался этим в ущерб кому бы то ни было.

– Мессинг – это другая статья. Он вёл концертную деятельность и был постоянно в поле зрения...

Наверно, он хотел сказать «в поле зрения органов», но «органов» паузой повисло в воздухе.

В какой раз мне приходилось объяснять, что я не способен на поступки, которые направлены на разрушение, и мой мозг так устроен, что в нём стоит какой-то невидимый ограничитель, исключающий творить зло.

– Ну, положим. Хотя это всё из области человеческих фантазий: «мозг», «ограничитель» и прочее... Я знаю, что такое парапсихология и экстрасенсорика. Считаю многие факты сомнительными и остаюсь приверженцем традиционных форм. Так что, если наука даёт объяснение некоторым феноменам, например, тому же гипнозу, то я принимаю это... Ладно, давайте ближе к делу... У нас зависло дело – извините за тавтологию. – Попробуйте помочь?

Я пожал плечами.

– Что за дело?

– Сейчас вас проводят в отдел, который занимается экономической безопасностью. Там вам подробно всё объяснят. О вас им уже сообщили. И ещё. Вам, естественно, придётся подписать документ о неразглашении.

Генерал прострелил меня взглядом, словно поставил точку в нашей короткой беседе. Вошла секретарша, строго одетая миловидная женщина лет сорока пяти. И я даже не заметил, каким образом хозяин кабинета вызвал её.

– Пригласите капитана Темникова, – попросил генерал. – Он возьмет этого молодого человека.

Я встал, чтобы последовать за секретаршей, но вдруг генерал спросил:

– Вы – учитель. Почему работаете простым рабочим?

Вопрос был неожиданный. Я замялся, но ответил, что это только до начала учебного года, а потом буду преподавать языки в школе. Я ожидал, что он спросит, почему я оказался в Омске, но он не спросил.

Глава 9

Золото из Магадана. На квартире предполагаемого преступника. Другая реальность. Тайник в велосипедных шинах. Генерал Темников о мистике и марксистской науке. Пространство, которое даёт информацию. Благодарность.

Капитан Темников ознакомил меня с «делом», не утаивая детали операции:

– Мы получили с Севера шифровку о том, что там действует группа похитителей золота с приисков. В Магадан должен был приехать курьер из нашего города. Нам сообщили, что это может быть милиционер. А в городе не менее 20000 сотрудников милиции... Нужно было вычислить среди них преступника, но не мешать ему покинуть Омск. Пришли к выводу: если это сотрудник милиции, то должен получить отпуск с разрешением на выезд... Я пришел к начальнику милиции. Вызвали всех руководителей отделов и подразделений и дали им инструкцию немедленно сообщить, если кто-то из их подчиненных соберется в Магадан... Вскоре поступил сигнал, что заместитель начальника колонии, которые тоже относились к милиции, попросил разрешения уехать на несколько дней в Магадан, объяснив это тем, что у него там при смерти близкий родственник... Один из наших летел в самолете, на котором находился и подозреваемый, и вёл его в Магадане. В Магадане подозреваемый никуда не заходил, ни с кем не встречался, купил холодильник, взял обратные билеты и сразу вернулся в Омск. Вывод напрашивался сам собой: золото – в холодильнике. Провели обыск в квартире. В холодильнике ничего не оказалось. Перерыли всю квартиру – пусто... Обыскали миноискателем весь двор – тоже ничего.

Капитан Темников замолчал и ждал, что скажу я. Я тоже молчал, и он спросил:

– Начальство решило, что вы можете чем-то помочь? Чем?

– Я могу в некоторых случаях увидеть то, что произошло раньше.

– Как это? – изумился Темников.

– Это долгая история, – не стал я вдаваться в объяснения. – Вы можете меня отвезти в ту квартиру, где был обыск?

– Ну, можем, конечно... Начальству видней. Только согласовать надо, – решил подстраховаться капитан.

Согласовывал он недолго. Нам дали «Волгу», Темников взял с собой ещё какого-то молоденького лейтенанта, и мы поехали по адресу, где жил предполагаемый преступник. Предполагаемый, потому что, как говорится, нет тела – нет дела; и, действительно, золото не нашли, а тогда, где преступление?

Нам открыла жена подозреваемого. Мы прошли в квартиру. Сели: я – на стул у круглого стола, застеленного белой кружевной скатертью, оба моих сопровождающих – на диван с круглыми валиками. С минуту я сидел молча, молчали и офицеры и лишь выжидательно смотрели на меня.

– Дайте мне предмет или что-нибудь из одежды вашего мужа, – попросил я хозяйку, которая стояла у притолоки двери в другую комнату, скрестив на груди руки. В глазах её затаилась тревога.

– Давай, давай! – подтолкнул её Темников. – Чего глазами хлопаешь?

– А что давать-то?

– Фуражку или китель... сапоги. В чём он был в Магадане? – уточнил я.

– Вот сумку полевую брал.

Женщина вышла в прихожую и вернулась с потёртой полевой сумкой тёмно-коричневой кожи.

Я взял в руки сумку и вскоре почувствовал характерный звон в ушах, который появился и исчез. Это обычно становилось неким сигналом к готовности мозга к изменённому сознанию.

– Все выйдите в другую комнату, – голос мой звучал резко, офицеры переглянулись, но подчинились моему приказу и вышли вместе с хозяйкой.

Я снова ощутил звон в ушах, озноб прошел по телу, от чего я невольно передёрнул плечами, как собака, которая стряхивает воду после купания в реке. В состоянии изменённого сознания я словно выхожу из своей оболочки и становлюсь кем-то не похожим на себя. В такие минуты я не контролирую себя и знаю, что бываю неприятен для окружающих. Помню, как моя сокурсница, застав меня в один из таких моментов, сказала, что она испугалась, потому что у меня изменилось лицо и превратилось в маску, а глаза стали черными.

Комната заколыхалась, все звуки, которые доносились из окна с улицы, растворились, и я увидел ту же комнату, но теперь в ней находились двое: хозяйка и мужчина, её муж. Холодильник был открыт, у дверцы снята внутренняя крышка, на столе лежали небольшие бесформенные комочки, как я догадался, самородное золото, и длинные, то ли матерчатые, то ли кожаные змееобразные мешочки. Мужчина сидел на стуле за столом и засовывал то, что находилось на столе, в велосипедную шину. Рядом на полу лежали два велосипедных колеса.

Вдруг видение стало уплывать, снова всё заколыхалось и подернулось дымкой. Всё исчезло, как растворилось, мой мозг получил информацию из некоего вечного, где время не имеет деления на прошлое и будущее...

Я сидел некоторое время обессиленный, с трудом возвращаясь в свою реальность. Потом позвал Темникова. Оба офицера и хозяйка мгновенно оказались в комнате.

– У вас есть велосипед? – спросил я хозяйку.

– Есть, – ответил за неё Темников. – У них он в кладовой, на гвоздях висит.

Хозяйка молчала, но, видно, нервничала. Она теребила низ шёлковой блузки и покусывала нижнюю губу.

– Снимите колёса, там под шинами что-то есть. Я думаю, что это ваше золото.

Хозяйка опустила на пол и заскулила, что-то причитая и непонятно выговаривая.

Темников, как старший по званию, остался сидеть на диване, приказав лейтенанту тащить сюда велосипед. Потом приказал найти двух понятых.

При понятых сняли шины, и оттуда вывалились золотые самородки и те змеевидные колбаски из тонкой кожи, которые я видел, с золотым песком.

По рации о находке сообщили в Управление, и вскоре прибыл наряд из трех человек, которые увезли золото и хозяйку. Квартиру опечатали, потому что хозяин тоже сидел в СИЗО до выяснения всех обстоятельств.

Темников по той же рации доложил обо всём генералу и спросил:

– А что делать с парнем?

И мне:

– Сказал – доставить к нему.

Генерал Чепурин повёл меня к начальнику управления, кабинет которого находился напротив.

Начальник управления, тоже генерал-майор, в отличие от своего зама, выглядел более добродушным, или это вводило в заблуждение его круглое лицо и полноватая фигура. Но такие сравнения часто бывают обманчивы, недаром есть пословица: «Мягко стелет, да жестко спат» «Человек на такой должности вряд ли имеет мягкий нрав», – подумалось мне.

– Михаил Андреевич, – представился начальник, протягивая мне руку. – Лихо это у вас получилось.

Он не улыбался, но явно был доволен и расположен ко мне.

– Ну, рассказывайте.

– Что рассказывать? – уклончиво спросил я.

– Как вы это делаете?

– Не знаю, – честно признался я. – Просто я при определённых условиях могу войти в пространство, которое даёт информацию. Я не знаю, что это, но в моём сознании это существует как пространство. Я захожу в это пространство и «вижу» те образы, которые мне нужны в данных обстоятельствах.

Это всё, что я мог объяснить этим людям, потому что всё остальное всегда оказывается совершенно непонятным для тех, кто там не побывал. Я знаю, что есть разные пространства. «Моё» – тёмное, всё испещрённое мерцающими точечками, которые ощущаемы, хотя и далёкие. В этом пространстве, или поле, всегда есть и будет информация, но я не знаю, как события в действительности сосуществуют там. Когда в него проникает моё ограниченное и несовершенное сознание, оно считывает информацию. Последовательность событий там не имеет временной последовательности. Там своя, недоступная нашему пониманию логика, но моё сознание как-то переводит всё на язык наших привычных понятий и нашей временной последовательности...

– Но это же ненаучно. Учёные отрицают существование ясновидения. Как можно увидеть то, чего увидеть нельзя?

Генерал повторил тот же вопрос, который когда-то задал начальник Ленинградского УГРО полковник Соловьёв.

– Потому что это лежит за гранью физического восприятия, а традиционная наука имеет дело именно с миром физическим.

– Но нормальные люди не видят ничего подобного, – язвительно напомнил генерал.

– Я что, на ненормального похож? – сделал я попытку улыбнуться.

– На ненормального вы непохожи. Но согласитесь, что всё это странно, – серьёзно сказал генерал.

– Для того, чтобы видеть то, что способны видеть экстрасенсы, необходимо обладать особой чувствительностью и особыми центрами восприятия.

– Ладно, дискуссию разводить на эту тему нет времени. Я попросил вас зайти, чтобы поблагодарить за помощь. Может быть, ещё нам понадобится. Вы же не будете возражать, если мы к вам обратимся?

Я молча кивнул.

– А как у вас это получается, не суть важно. Наука когда-нибудь ответит и на этот вопрос. А насчёт того, что есть какая-то грань, которая лежит за пределами физического мира – это заблуждение, которое у вас со временем пройдёт. Наука у нас одна – марксистская. Мир каких-то тонких материй – это мистика, которой торгует Запад, опираясь на Блаватскую и иже с ней.

Выходя из кабинета генерала, я спросил:

– А как же Фрейд?

– При чём тут Фрейд? – начальник посмотрел на своего зама.

– Владимира Юрьевича вызывали по поводу запрещенной литературы, которую он выписывал через библиотеку.

– Ну, Фрейд у нас не запрещен, хотя фрейдизм, как течение, пагубно влияет на нашу молодёжь и увлекаться подобной литературой, тем более советскому учителю, я бы не советовал.

Мне подписали пропуск на выход из «Серого здания», и я с облегчением, только что не перекрестился, вышел на улицу, которая называлась именем нашего пролетарского вождя Владимира Ильича Ленина.

Глава 10

Мой странный мир. Дом культуры строителей. Память детства. Народный театр и его руководитель. Бездарное начало. Самодельная труппа. Показ спектакля в Танковом училище. Провал роли. Незаурядный актёр Каширин.

Не скажу, что меня не устраивали мои новые знакомые. И Антон, и Захар, и Талик, или Толик, Алеханов были по-своему интересны, и я свободно общался с ними и не чувствовал особого дискомфорта. В конце концов, каждый из них был личностью, и, как каждый отдельный человек, со своими взглядами на жизнь и со своим особым мировоззрением, хотя они и не рассуждали о мире и своём месте в нём, так же, как и о судьбах всего человечества.

Я много читал, размышлял над прочитанным, иногда встречался с Иваном и его друзьями, но моя сущность требовала какого-то другого круга общения, общения, где формируются и живут идеи, образы, формы, и где я, может быть, найду истину и пойму что-то важное для себя, то, чего я не понимал прежде. Из психологии я знал, что наши эмоции, чувства и представления о чём-то нестойки и изменчивы, и чтобы закрепить их, нужна активная форма мышления. Тем более, мой мир слов и образов был странным, и я, оценивая его отстранённо, не понимал его и по этому поводу рефлексировал¹⁸.

В пятнадцати минутах ходьбы от общежития на улице Химиков находился Дом культуры строителей. Проходя мимо, я видел объявления, которые предлагали мне записаться в кружок «Помоги себе сам» или в кружок бисероплетения, а также в студию «мягкой игрушки» или в студию «кройки и шитья». У кружков были названия: кружок декоративно-прикладного творчества «Вдохновение», студия ИЗО «Волшебная палитра» и даже на иностранный манер – «Danse». Иногда появлялись новые объявления: администрация призывала записываться в класс игры на барабанах, в фольклорный хор или в кружок «Ветеран». Я ловил себя на том, что, читая объявления, невольно улыбаюсь, хотя, что смешного в том, что люди хотят танцевать, петь и вышивать бисером? Сам я вышивать бисером не хотел так же, как и играть на барабанах. И я шёл дальше по своим делам, пытаюсь представить, что скрывается за этим «Помоги себе сам», и почему кружок декоративно-прикладного искусства называется кружком, а «кройка и шитьё» студией. Бывает, в голову забредёт какая-нибудь ерунда, которую потом колом не вышибешь. Это, как стишок или навязчивая мелодия, которые будут вертеться в голове до тех пор, пока сами не уйдут куда-то.

Помню, в детстве на дальнем конце нашей улице жили братья с прозвищем «китайцы» – старший китаец и младший. Старший, которому было лет двенадцать, считался хулиганом отъявленным. А младший, только поступивший в первый класс, тянулся за старшим и перенимал все его повадки. Вся улица знала, что отец их вор и сидит в тюрьме. Не помню, как младший как-то оказался у нас в доме, но помню, что моя мать угостила его куском пирога, и он, благодарный редкому к себе доброму отношению, решил прочитать стихи, которые знал. Он попросил поставить его на табуретку и прочитал стихи, похожие на частушки. Самое невинное четверостишие было: «Пришла курица в аптеку И сказала: «Кукареку! Дайте пудру и духи, Чтоб топтали петухи!...».

Мать выпроводила младшего китайца на улицу и сказала: «Чтоб больше я этого маленького негодяя не видела. Вова, это плохой мальчик. Не водись с ним».

Наша компания с китайцами и не водилась, просто они иногда появлялись на нашей части улицы, и мы относились к ним нейтрально, потому что это всё же была одна улица.

Я спросил мать:

---

¹⁸ **Рефлексия** (от позднелат. reflexio «обращение назад») – это обращение внимания субъекта на самого себя и на своё сознание, в частности, на продукты собственной активности, а также какое-либо их переосмысление.

– А зачем кур нужно топтать?

– Не знаю, – ответила раздражённо мать. – Спроси у отца.

– Сынок... это чтобы курочки яички несли, – растерянно и невпопад сказал отец.

Я ничего не понял, и только немного позже, когда на улице меня по-своему просветили по части половых отношений, я пришёл к выводу, что вопрос свой поставил неверно, правильно было спросить не «зачем?», а «как?».

Но идиотские слова частушек словно прилипли ко мне и преследовали долгое время...

Однажды я увидел объявление, которое стояло обиняком, выбиваясь из общего списка танцевальных, хоровых и других творческих групп своей значительностью и даже некоторой таинственностью. Объявление приглашало желающих попробовать себя в качестве артиста Народного театра. Ниже говорилось, что театром руководит Заслуженный артист РСФСР Борис Михайлович Каширин, артист Омского драматического театра.

И мне вдруг показалось заманчивым попробовать себя в качестве артиста в драмкружке с привлекательным названием Народный театр, хотя никаких талантов в лицедействе я за собой никогда не замечал, если не считать первое и последнее выступление со сцены клуба ЛГПИ имени Герцена со своими переводами с английского. Тогда я обидел английских студентов, прочитав стихотворение «Лондон» Уильяма Блейка.

Я брожу по улицам нарядным,

Там, где Темза темная томится.

Каждого прохожего обласкиваю взглядом,

А в ответ суровые, нахмуренные лица.

Перед тем как я прочитал эти мрачные стихи, Стив, старший группы английских студентов, попросил публику принять во внимание, что это стихотворение написано английским поэтом в конце XVIII века и не имеет отношения к сегодняшней Англии. Но я, не обращая внимания на смущение англичан, бросал в зал с ораторским надрывом страшные строчки и клеймил:

В каждом слове страх я замечаю,

Плач ребенка кажется заклятьем,

Всюду скорбь, усталость я встречаю,

С бледных губ срываются проклятья.

Наши гости, студенты из Лондона, разводили руками и перешептывались, а я поставленным голосом добивал капитализм:

Кровь солдат и стоны омывают

Роскошь замков древних и дворцов,

Только люди в нищете здесь умирают,

Смерти глядя с радостью в лицо.

Последние строчки я произнес тихо, что прозвучало еще более трагически, чем у Блейка. Я сказал «поставленным голосом» и не оговорился, потому что в клубе с нами работал приглашённый артист театра и кино, который репетировал с выступающими и учил выразительному чтению стихов с логическими ударениями, паузами и интонациями.

Зал аплодировал. Он принял концепцию. А до меня стала вдруг доходить нелепость происшедшего, и я с ужасом понял, что не только сделал глупость, прочитав это стихотворение, но и спровоцировал ситуацию, при которой неловкость чувствовали и гости, и те нормальные люди, для которых политика оставалась всегда чем-то второстепенным, и жили своей простой человеческой жизнью.

А зал не унимался, и кто-то даже выкрикивал: «Мо-ло-дец, мо-ло-дец!».

Я поспешил уйти, не дочитав переводы из Байрона и Шекспира. Сгорая от стыда, дождался Стива, чтобы извиниться и объяснить... а что я мог объяснить? Стив натянуто улыбался, и смотрел на меня с легким презрением...

Дом культуры приятно радовал глаз салатным цветом стен и белыми колоннами. Аккуратное двухэтажное здание украшал герб СССР с развёрнутыми знамёнами, оно выглядело уютно, и я с волнением, словно шел на экзамен, открыл с трудом высокую тяжёлую, не иначе как дубовую, дверь, к тому же снабжённую ещё и мощной пружиной. Дверь втокнула меня в фойе и с грохотом захлопнулась, став на место.

Вахтёрша на входе вязала что-то на спицах. Она споро работала, спицы мелькали в её руках, и клубки шерстяных ниток прыгали и шуршали в небольшой картонной коробке.

Я поздоровался. Вахтёрша равнодушно посмотрела на меня поверх очков.

– Ну и дверь у вас! – сказал я. – Как только с этой дверью девушки справляются!

– Вы к кому? – оставила без ответа мой вопрос вахтёрша.

— Да хочу в драмкружок записаться.

– Это к Борису Михайловичу. Они в зрительном зале, репетируют. Иди прямо, направо зал. Найдёшь. Когда репетируют, даже здесь бывает слышно.

Действительно, чем дальше я шел по коридору, тем отчётливее слышал голоса, по которым без труда нашёл зал, где шла репетиция. Я тихо приоткрыл дверь и просунул голову. Дверь скрипнула и бархатный баритон недовольно сказал:

– Ну кто там ещё?

В зале царил полумрак, и я отчётливо видел только сцену, на которой стояли и сидели на простых конторских стульях артисты. С трудом я разглядел человека, сидевшего где-то в третьем или четвёртом ряду партера с пачкой листов бумаги в руках, очевидно, пьесой, как раз напротив двери, в которую я вошел.

– Вам кого? – спросил мужчина. Теперь голос его звучал нетерпеливо. Репетиция прервалась, и артисты стояли в ожидании команды продолжать.

– Я хочу записаться в драмкружок, – торопливо сказал я и почувствовал, что робею. Мои глаза привыкли к полумраку, и теперь я смог рассмотреть режиссёра или руководителя. Он выглядел импозантно, крупные черты лица на львиной голове, пропорциональной массивному телу, предполагали благородство и великодушие.

С минуту режиссёр разглядывал меня.

– Ну-ка, ну-ка! – сказал он наконец. – Поднимитесь-ка на сцену. – Да снимите плащ.

Я повесил плащ на спинку кресла и поднялся по ступенькам на сцену. Теперь на меня с любопытством смотрело несколько пар глаз, отчего я совершенно смешался.

– Ну, чем не Севастьянов? А? – воскликнул режиссёр.

– А что, Борис Михалыч, похож, – оглядев меня как девку на выданье, согласился смуглый черноволосый красавец из состава артистов.

– Арсен, ну-ка дай молодому человеку текст с ролью Севастьянова, пусть прочтёт что-нибудь. Давай с первого его выхода. Варя, Сергей, дайте ему реплики. Вы «входите... Да, как вас зовут? —

– Владимир, – ответил я.

– Так вот, Володя, представьте военный городок. Лето. К вашему товарищу, лётчику Сергею Луконину, приезжает невеста Варя. Вы приходите на квартиру к Луконину и впервые видите его невесту. Она вам нравится, вы стесняетесь и даже находитесь в некотором замешательстве... Всем десять минут отдыха. вы, Володя, знакомитесь с текстом.

Всё это Дмитрий Михайлович проговорил по-режиссёрски властно, не допускающим возражения тоном, будто я уже сто лет принадлежу к труппе его самодеятельных артистов, которые благоговейно внимают ему и готовы выполнить любое указание.

Через десять минут я «входил» в комнату главного героя пьесы.

Я. Можно?

Сергей. Входи, Севастьяныч, знакомься!

Я. Севастьянов.

Варя. Варя.

– Здороваешься с Аркадием и смотришь на Варю, — подсказывает режиссёр.

Варя. Ну, что вы на меня так смотрите?

— А он на тебя, Лен, никак не смотрит, — то ли удивляется, то ли хочет сказать, что не понимает, как так можно, и машет рукой, что, очевидно, означает полную безнадежность, режиссёр, но я после короткой заминки продолжаю:

Я. Вот вы какая.

Варя. Что, не нравлюсь?

Я. Нет, что вы, я только хотел сказать, что вы мне рисовались совсем в другом облике.

— Вы смущены, вы не знаете, куда девать руки от смущения. (Это режиссёр).

«Какие руки? У меня роль в руках», — мелькает в моей голове.

Варя. В каком же другом облике?

Я. Сергей Ильич мне сказал, что вы актриса, и я вас рисовал себе несколько солидной и почему-то брюнеткой. Приехали играть в наш театр?

— Ну что так постно? Ну, хоть какое-то выражение лица сыграйте, — недовольно выговаривает режиссёр.

Варя. Да, и четырех ребят с собой притащила, скоро приедут.

Я. Какой больше репертуар предполагаете играть, современный или классический?

— Стоп... Совершенно бездарно, — дал, наконец, оценку моему дебюту режиссер. Подумал и решил: — Хотя для первого раза, может, и сойдет... Главное, молодой человек не шепелявит и не заикается.

Все засмеялись, а я растерянно стоял с листками роли, красный как буряк и совершенно убитый.

— А чего вы такой зажатый? — недовольно продолжал режиссёр. — На сцене, конечно, впервые?

Я стоял на сцене с унылым и потерянным видом и молча смотрел в зал на едва различимое в полумраке лицо режиссёра.

Борис Михайлович заметил моё подавленное состояние и уже мягче добавил:

— Ну, ничего-ничего, не боги горшки обжигают. Между прочим, ваш герой Севастьянов как раз очень застенчивый человек. Вы пьесу Симонова «Парень из нашего города» знаете?

— Смотрел фильм с Крючковым.

— Ну вот, а мы ставим пьесу. Вы будете играть Севастьянова. Только вы, голубчик, уж теперь приходите, а то у нас Севастьянова нет. А к сцене привыкнете. Здесь у нас только один профессионал, Арсен, а так — все любители. Так что, не робейте...

Я, конечно, пришёл.

С артистами я скоро не то чтобы подружился, но стал чувствовать в их среде более-менее свободно. Это были творческие люди. Все любили искусство, тянулись к прекрасному, и театр оказался для многих если не профессией, то занятием, ставшим более привлекательной частью жизни и отдыхом от повседневного, часто неустроенного быта.

— Иначе обыденность заест, — сказала как-то Лена, которая играла роль Вари, и пояснила: — Хотела стать настоящей актрисой, но не получилось, так что театр для меня — отдушина.

— А вы, Лена, стали настоящей актрисой, — возразил Дмитрий Михайлович, придавая бодрость своему голосу, — и играете не хуже некоторых профессионалов, которых я знаю.

Тем не менее, Лена работала секретарём-машинисткой в одной из контор, которых в городе насчитывалось много.

И другие артисты работали в разных сферах. Главного героя, Сергея Луконина, играл экскаваторщик Михаил, Нина Семёновна — в пьесе преподаватель французского Сюлли — работала экономистом, а Аркадия Бурмина, брата Вари, играл мой коллега, учитель Николай Тихонович.

И только Арсен учился в Университете на факультете культуры и искусств и готовился стать режиссёром. Для Арсена народный театр был хорошей практикой для его будущей профессии. Но в любом случае, театр, как сказал однажды наш режиссёр, – это чудо, где люди избавляются от проблем и нервных потрясений.

– Влияние искусства на развитие личности невозможно оценить, – убеждал нас Борис Михайлович. – Широкий кругозор, который вы приобретаете здесь никогда не помешает ни в вашей жизни, ни в работе, где бы то ни было. А главное – сцена повышает уверенность в себе.

Уверенность в себе – этого мне как раз и не хватало...

Репетиции шли почти каждый день, потому что директор клуба требовал выпустить спектакль к празднику 7 Ноября. У меня что-то получалось, что-то не получалось, но, в общем, я сам чувствовал, что в артисты не гожусь. У меня не было той раскованности, а, может быть, и некоторой наглости, которой должен обладать артист, и я, например, не умел вовремя рассмеяться, выразить удивление, гнев или испуг. По этому поводу Арсен сказал, что актёрское мастерство невозможно постичь без правильной мимики лица и что для этого существуют специальные упражнения, уроки и тренинги. Он принёс мне учебник, из которого я вынес понятие о том, что обычная улыбка означает дружеский настрой, искривлённая улыбка свидетельствует о нервозности, улыбка без подъёма века является знаком неискренности, а улыбка в отсутствии моргания сопряжена с угрозой и так далее. Из учебника я, к своему удивлению, узнал, что мужская улыбка фальшивее женской и не всегда соответствует истинному психологическому состоянию мужчины.

Но всё это я принял больше с психологической точки зрения, чем с актёрской, решив, что совсем неплохо разбираться в мимике, которая раскрывает истинную суть другого человека и помогает многое о нём узнать. Ведь всегда не лишне понять, что перед тобой лжец, если у него напряжены все лицевые мышцы и каменное лицо...

Все другие театральные премудрости мне были не интересны, и я лишь из любопытства пролистал страницы, не особо вникая в смысл написанного...

– Станиславский говорил, что голос должен петь в разговоре, звучать по скрипичному, а не стучать словами, как горох о доску, – учил Дмитрий Михайлович, и мне казалось, что он смотрит на меня, потому что я был уверен, что только у меня слова как раз и стучат как горох о доску.

– Сценическая речь – это средство выразительности актёра и воплощения драматического произведения, – с тоской добавлял бедный режиссёр...

Наконец настал день генеральной репетиции, которая прошла, по словам Бориса Михайловича, удовлетворительно.

– Всё неплохо. Завтра в семь вечера показываем спектакль в танковом училище, – и ко мне: – А вы, Володя, если не стушуетесь, то будет успех.

И с этого момента у меня начался «мандраж». И здесь уж никакие мои паранормальные способности не могли помочь. Я всё время представлял, как буду стоять столбом или ходить по сцене словно зомби и произносить деревянным голосом свой текст. Единственным утешением было то, что слова роли я забыть не мог. Уже на втором чтении Борис Михайлович с удивлением заметил: «Володя, а вы, я смотрю, свой текст знаете наизусть» и похвалил за усердие, поставив меня в пример Михаилу и Нине Семёновне («вот как нужно относиться к своей роли»). Только я не сказал режиссёру, что так же хорошо знаю на память всю пьесу, хотя смог прочитать её всего один раз...

Из танкового училища за нами прислали автобус, и за час до начала спектакля нас у КПП встречал замполит с младшим офицером. КПП примыкал к двухэтажному зданию, обращенному к аллее славы с мемориалом, танками и бронемашинами, и окрашенному в такой же салатовый цвет, что и Дом культуры строителей, и это показалось мне хорошим знаком. Нас провели в комнату посетителей, где мы оставались недолго. После сверки со списками мы

на том же автобусе миновали въездные ворота и, проехав по широкому плацу, остановились у одного из корпусов военного городка. И всюду видели танки: казалось, вся территория утыкана танками.

– Они, наверно, и в магазин на танках ездят, – пошутил Арсен.

Попетляв по коридорам, которыми нас вёл замполит вместе с младшим офицером, мы оказались в довольно просторном зале мест на пятьсот, с большой сценой, как я отметил, не хуже, чем в нашем Доме культуры.

Здесь нам и предстояло выступать.

К началу спектакля зал заполнился до отказа.

– В первом ряду офицеры с жёнами, а дальше сплошь курсанты, – сказал Арсен, посмотрев в дырку занавеса, специально проделанную не иначе как мудрым худруком художественной самодеятельности училища.

– Там дальше ещё женщины сидят, – добавила Лена.

– Небось, обслуживающий персонал, – предположила Нина Семёновна.

Сплошной гул голосов в зрительном зале заставлял меня волноваться и вгонял в ступор, поэтому я в зал не смотрел.

Незамысловатые декорации быстро расставили с помощью двух курсантов. Прозвучал звонок школьного колокольчика, в который звонил сам Дмитрий Михайлович, и спектакль начался.

Я смотрел на сцену, нервно слушал, как говорят свои роли артисты, но смысл до меня не доходил. Я слышал аплодисменты, артисты уходили со сцены и входили, а я ждал своего выхода в третьем акте.

И вот как в тумане до меня доходят слова Гулиашвили Аркадию: «Ну, значит, нам с тобой, дорогой, сегодня ночь не спать, как завтра лучше гостей угостить – думать».

Я слышу со всех сторон: «Севастьянов, Севастьянов», и меня выталкивают на сцену:

Я, убитым голосом: Можно?

Сергей: Входи, Севастьяныч, знакомься!

Я: Севастьянов.

Варя: Варя.

И я молча смотрю на Варю.

Это всё прошло гениально, так как я заикался, бледнел и краснел, и это выходило натурально и так соответствовало характеру моего героя, что зал взорвался аплодисментами, и, наверно, за меня порадовался Борис Михайлович.

Но за третьей начиналась четвёртая картина, где я должен был играть уже оправившегося от смущения Севастьяныча, а я оставался тем же растерянным недотёпой, что было здесь совершенно неуместно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.